

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 27 ИЮНЬ 1984

«ШЕДЕВРЫ» — смотрите в номере цветную вкладку и рассказ о
классиках западноевропейской живописи (стр. 16—18).

*Гуга и м.
мико мени*

Во время переговоров.

ВСТРЕЧА К. У. ЧЕРНЕНКО С ПРЕЗИДЕНТОМ ФРАНЦИИ Ф. МИТТЕРАНОМ

21 июня в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко с Президентом Французской Республики Ф. Миттераном.

В ходе откровенного и конструктивного обмена мнениями были рассмотрены некоторые актуальные международные вопросы, представляющие обоюдный интерес, а также вопросы дальнейшего развития отношений и углубления взаимовыгодного сотрудничества между СССР и Францией.

Во время встречи.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

Фото А. Гостева

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР с 20 по 23 июня в Советском Союзе с официальным визитом находился Президент Французской Республики Франсуа Миттеран.

21—22 июня в Кремле состоялись переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко с Президентом Франции Ф. Миттераном.

В переговорах принимали участие: с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС,

первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев, посол СССР во Франции Ю. М. Воронцов; с французской стороны — министр внешних сношений Франции К. Шейсон, министр транспорта Франции Ш. Фитерман, министр внешней торговли и туризма Франции Э. Крессон, государственный секретарь при министре обороны по делам ветеранов войны Франции Ж. Лорэн, ге-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 27 (2972)

30 ИЮНЯ 1984

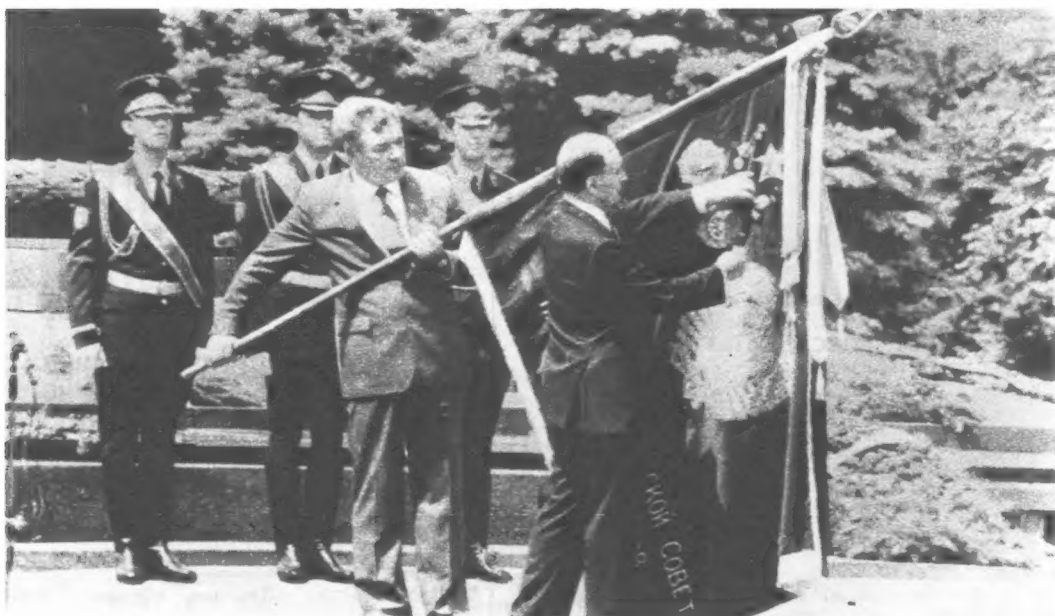
© Издательство «Правда», «Огонёк», 1984

Вручение наград Франции советским ветеранам авиационного полка «Нормандия—Неман».

Во время проводов в Кремле.

неральный секретарь канцелярии Президента республики Ж.-Л. Бианко, посол Франции в СССР К. Арно.

21 июня в центре состоявшегося обмена мнениями находились кардинальные проблемы нынешнего положения в мире. Несмотря на различия во взглядах на причины ухудшения мировой обстановки, СССР и Франция испытывают общую озабоченность и сходятся в том, что нельзя допустить ее дальнейшего обострения.

22 июня предметом рассмотрения на переговорах явились главным образом вопросы состояния и перспектив двусторонних советско-французских отношений, причем было подтверждено, что обе стороны выступают за их дальнейшее развитие и углубление в различных областях.

Переговоры, проходившие в деловой и конструктивной атмосфере, свойственной отношениям между Советским Союзом и Францией, продемонстрировали стремление сторон к лучшему пониманию и сближению позиций друг друга.

Обе стороны высказались за то, чтобы использовать имеющийся потенциал для расширения сотрудничества между СССР и Францией по целому ряду важных международных проблем.

Было констатировано стремление обеих сторон работать в направлении укрепления доверия между Советским Союзом и Францией.

В целом было выражено общее мнение, что состоявшиеся советско-французские переговоры были полезными. Они выявили возможности дальнейшего сближения взглядов обеих стран, выработки параллельных или совместных действий на международной арене.

Ф. Миттеран передал Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко приглашение посетить Францию с визитом. Приглашение было с благодарностью принято. Даты визита будут согласованы позднее.

22 июня Президент Французской Республики Ф. Миттеран вручил в Кремле орден Почетного легиона советским ветеранам авиационного полка «Нормандия—Неман».

23 июня Президент Французской Республики Ф. Миттеран отбыл из Москвы в Волгоград.

Перед отлетом в Кремле, на площади у Большого Кремлевского дворца, где были подняты государственные флаги Франции и Советского Союза, состоялась церемония проводов Президента Французской Республики.

Ф. Миттерана провожал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко.

В церемонии приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П. Н. Демичев, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, другие официальные лица.

23 июня в Волгограде Президент Французской Республики Франсуа Миттеран возложил венок к Вечному огню на площади Павших борцов.

Затем здесь состоялось вручение Ф. Миттераном высшей награды Франции — ордена Почетного легиона легендарному городу, явившему в годы минувшей войны яркий пример мужества и отваги в борьбе с ненавистным врагом, непоколебимой верности светлым идеалам родного Отечества.

Обращаясь к жителям города, Ф. Миттеран подчеркнул, что битва, развернувшаяся здесь более сорока лет назад, решила судьбу мира.

В тот же день вечером Ф. Миттеран отбыл из Волгограда в Париж.

Ф. Миттеран прикрепляет награду к знамени Волгограда.

Фото Э. Котлякова и А. Морковкина (ТАСС)

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

Встреча К. У. Черненко с К. Фомвиханом

26 июня Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко встретился с Генеральным секретарем ЦК Народно-революционной партии Лаоса, Председателем Совета Министров ЛНДР Кейсоном Фомвиханом.

В ходе беседы состоялся товарищеский обмен мнениями по вопросам внутренней и внешней политики Советского Союза и Лаоса, двусторонних отношений и обстановки в мире. Он подтвердил полное единство взглядов по обсуждавшимся проблемам. К. Фомвихан от имени НРПЛ, правительства

и народа Лаоса выразил одобрение и поддержку ленинской внешней политики КПСС и Советского государства, искреннюю признательность за бескорыстную помощь Лаосу. К. У. Черненко заявил, что КПСС, Советский Союз будут и впредь оказывать помощь и содействие НРПЛ, лаосскому народу в строительстве новой жизни.

С удовлетворением отметив расширение и углубление связей между КПСС и НРПЛ, всего комплекса советско-лаосских отношений, стороны высказались за дальнейшее развитие этого сотрудни-

чества и повышение его эффективности.

При обсуждении вопросов международной политики особое внимание было уделено ситуации на азиатском континенте и, в частности, в Юго-Восточной Азии. Участники встречи выразили озабоченность попытками США и их пособников распространить на азиатский регион политику милитаризации и разжигания очагов политической и военной конфронтации. Они решительно осудили враждебные действия китайских властей против Вьетнама, Лаоса и Кампучии, а также недавние во-

оруженные провокации тайландских реакционных кругов против ЛНДР. Была подчеркнута необходимость наращивать усилия в борьбе за упрочение мира и безопасности в Азии. Этим целям отвечало бы претворение в жизнь конструктивных инициатив СССР, МНР и трех стран Индокитая, направленных на нормализацию положения в этой части мира.

Встреча прошла в обстановке братской дружбы и сердечности.

На беседе присутствовал помощник Генерального секретаря ЦК КПСС В. В. Шарапов.

ОРДЕН НА ЗНАМЕНИ ГОРОДА

За большие успехи, достигнутые трудящимися города в хозяйственном и культурном строительстве, активное участие в революционном движении и значительный вклад в обеспечение победы в Великой Отечественной войне Казань награждена орденом Ленина. Здесь состоялось торжественное собрание представителей трудящихся, партийного, советского, профсоюзного и комсомольского актива, ветеранов революции, войны и труда, посвященное вручению высокой награды.

Участники собрания с воодушевлением избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем К. У. Черненко.

На собрании выступил тепло встреченный собравшимися член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР В. И. Воротников.

В. И. Воротников огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Казани орденом Ленина и под бурные аплодисменты прикрепил награду к знамени города.

Участники торжественного собрания с подъемом приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко.

На снимке: во время вручения высокой награды.

Телефото Е. Логвинова (ТАСС)

Клавдия Ивановна ШУЛЬЖЕНКО

Советское искусство понесло тяжелую утрату. После продолжительной болезни скончалась выдающаяся певица, народная артистка СССР Клавдия Ивановна Шульженко.

С именем К. И. Шульженко связаны яркие достижения отечественного музыкального искусства. Своим творчеством она внесла неоценимый вклад в развитие советской песни, патриотическое воспитание широких народных масс.

К. И. Шульженко родилась 24 марта 1906 г. в г. Харькове. Более полувека вдохновенного и неустанный труда отдала она без-

заветному служению советской эстраде. Ее творческая деятельность началась в 20-е годы — время становления молодого советского искусства — вначале в г. Харькове, а затем в г. Ленинграде. С 1945 года и до последних дней жизни искусство Клавдии Ивановны Шульженко связано с г. Москвой.

Всенародная известность и любовь слушателей пришли к певице в годы Великой Отечественной войны. Ее проникновенный, душевный голос звучал на фронте и в тылу, по радио и с концертных площадок, вдохновляя наших героических воинов, весь советский народ на разгром ненавистного врага. Многие замечательные советские композиторы в творческом содружестве с певицей создали песни, горячо любимые народом. Среди них — «Синий платочек», «Где же вы теперь, друзья-однополчане?», «Давай закурим», «На позиции девушка» и многие другие, ставшие сегодня песенной классикой. В послевоенные годы песни К. И. Шульженко прославляли советский образ жизни, вдохновляли на трудовые подвиги.

Партия и правительство высоко оценили заслуги К. И. Шульженко. Она была награждена орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, медалями.

Память о Клавдии Ивановне Шульженко, прекрасной певице и патриоте, будет жить в сердцах советских людей.

К. У. Черненко, Г. А. Алиев, В. И. Воротников, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, В. В. Щербинский, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Е. К. Лигачев, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, Г. Ф. Сизов, Б. И. Стукалин, В. Ф. Шауро, А. А. Епишев, Р. Ф. Дементьев, В. Ф. Промыслов, С. Г. Лапин, Ф. Т. Ермаш, Т. Н. Хренников, В. М. Мишин, Е. М. Чехарин, А. М. Роганов, Ю. Я. Барабаш, М. И. Блантер, Ю. И. Богатинов, Н. В. Богословский, Е. А. Долматовский, Л. Г. Зыкина, Г. А. Иванов, И. Д. Кобзон, Л. В. Лещенко, М. М. Магомаев, Ю. С. Мелентьев, А. Г. Новиков, А. Н. Пахмутова, М. В. Пашков, А. Б. Пугачева, Э. С. Пьеха, А. И. Райкин, С. М. Ротару, З. П. Туманова, Р. К. Щедрин, А. Я. Эшпай.

Джеймс Олдридж,
английский писатель

В то время, как двести тысяч англичан шли по лондонским улицам, требуя, чтобы Рейган убрался восвояси, прихватив с собой крылатые ракеты, сам американский президент присутствовал на обеде в Ланкастер-хаус, где проходило совещание руководителей ведущих капиталистических держав. И пока англичане — мужчины, женщины и дети — двигались к Трафальгарской площади, Рейган с гордостью и самомнением показывал своим высокопоставленным гостям модели обитаемых космических станций, с помощью которых можно вести «звездные

стран охотно помогали Рейгану в проведении этой кампании. Даже погибшие во время высадки союзников в Нормандии оказались, правда, против своей воли, участниками этого предвыборного шоу. У них просто не было выбора. Их имена с циничной жестокостью были использованы в рейгановском спектакле. Газета «Гардиан», восхвалявшая почти все аспекты визита Рейгана, вынуждена была признать, что визит «превратился в вереницу представлений в духе Сесилия де Милля». Как известно, Сесиль де Миль был самым удачливым голливудским постановщиком костюмированных псевдоисторических киноспектаклей.

Три тысячи американских журналистов обслуживали этот спектакль, и большинство из них из

**«...ВОЗЬМИ
с собой
свои
ракеты!»**

войны». Именно такие станции он собирается построить, как только добьется их финансирования. По существу, он намеревается запугать Советский Союз.

Мы не знаем, что думали и говорили об этих космических чудовищах другие руководители ведущих капиталистических держав, но они, вероятно, слышали, как демонстранты кричали под окнами дворца: «Убирайся домой и возьми с собой свои ракеты!»

Эти события явились кульминацией недели, которую почти все серьезные английские обозреватели охарактеризовали как сплошное цирковое представление, устроенное в интересах американской избирательной кампании. Руководители ведущих западных

кожи вон лезло, чтобы помочь Рейгану стать президентом Америки «звездных войн». Но были и другие американцы, которые в знак протеста шли по лондонским улицам вместе с англичанами, клеймя ядерную политику Рейгана. Эти американцы живут в Англии и называют себя «смущенные американцы против Рейгана».

Некоторые из комментариев и политических оценок были настолько позорными и постыдными, что даже трудно поверить в их возможность. Так, газета «Таймс» писала, например, что у немцев больше прав присутствовать на торжествах в Нормандии, чем у русских. Большая часть английской прессы вообще не упо-

мянула о роли Советского Союза в прошлой войне.

В основной передаче новостей Би-би-си не был отмечен вклад Советского Союза в разгром фашизма во второй мировой войне. Вместо этого корреспондент Би-би-си Филлип Тайтон, говоря о тех, кто парадным строем проходил мимо королевы, заявил, что «эти ветераны высадились в Нормандии, отбросили немцев, а затем выиграли войну». По забывчивости или преднамеренно никто не упоминает о том, что в 1944 году Красной Армии противостояли почти двести сорок фашистских дивизий, а западным армиям — лишь около шестидесяти дивизий.

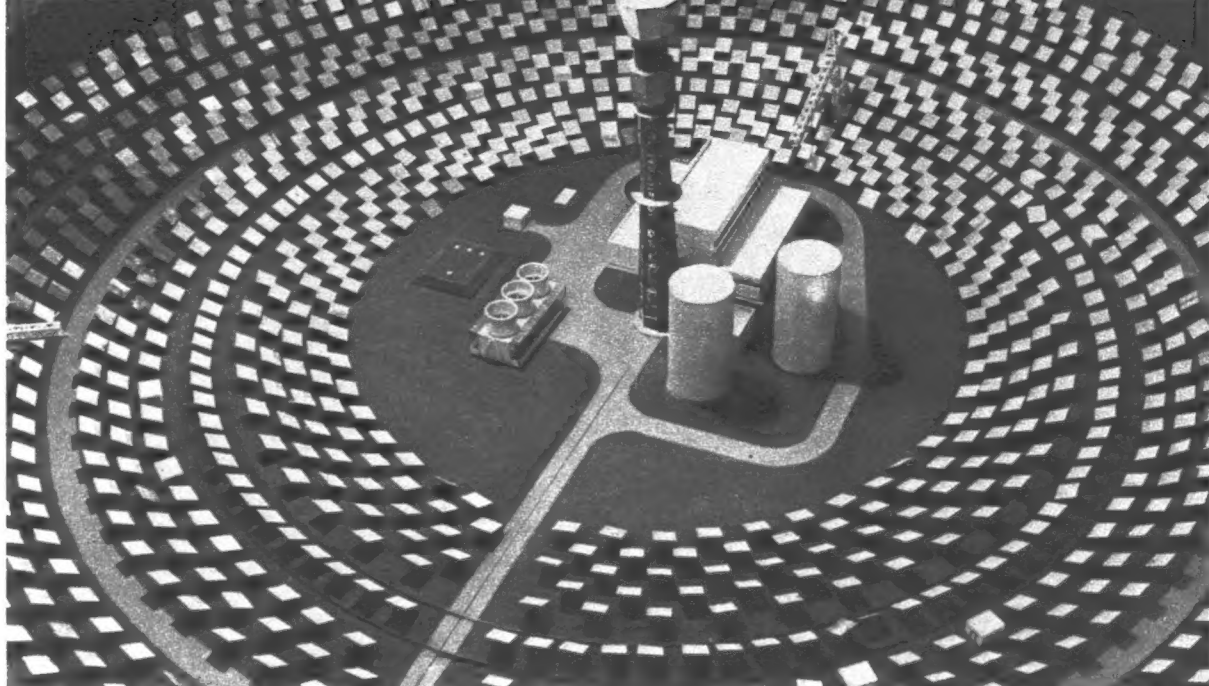
Никто не вспоминает и об анализе, проведенном в свое время, пожалуй, самым важным научным консультантом английского правительства во время войны, профессором Блэкетом, который подсчитал, что людские потери США во второй мировой войне лишь втрое превышают число погибших в результате автомобильных катастроф на американских дорогах за тот же период.

В день отъезда из Лондона Рейгана спросили, что он думает по поводу грандиозных демонстраций против размещения в Англии крылатых ракет. Стоя на лужайке у дома американского посла в Риджентс-парке, Рейган нервно рассмеялся и проговорил несколько пустых фраз, которые никто не запомнил. Забыл их и я. Но, вспоминая дни войны, я помню то, что помнят участники демонстрации, все честные историки и порядочные люди: именно Красная Армия сломала хребет фашистскому зверю к тому времени, как союзники высадились в Нормандии. Разумеется, высадка в Нормандии была осуществлена американскими и английскими солдатами, многие из которых геройски пали за общее дело. Однако история неопровержимо свидетельствует о том, что нормандская операция по своим масштабам значительно уступает любой из операций на Украине или в Белоруссии. Об этом часто сознательно забывают на Западе, искажая факты второй мировой войны.

Нет ничего удивительного в том, что Рейган смеялся, когда его спросили о демонстрациях. Так же как и пресса и другие главы ведущих западных держав, присутствовавшие на конференции, он мог смеяться в лицо истории. Но подлинная история вместе с демонстрантами шла в тот день по лондонским улицам, а это в конечном счете и есть самое главное.

АПН — специально для «Огонька»

Лондон

СЭС-5, макет.

ПЕРВАЯ СОЛНЕЧНАЯ

Николай БЫКОВ,
фото Бориса КУЗЬМИНА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Кто не знает, что Земля и земные феномены своего возникновения, самой жизнью своей обязаны Солнцу. Солнце — первый рабочий нашей планеты. Солнце — и первое божество, которому поклонялось со страхами и благодарностью самое изначальное сознание пралюдей. Поклоняться-то поклонялись, но тем не менее отдельные интеллектуалы древности давно были озабочены мыслью, как бы нагрузить Солнце дополнительной работой. Отсчет полудня, солнечные часы, парники, селекция на увеличение листовой поверхности новых растений... Все человеку хозяйственному и дерзновенному казалось, что звезда нашей планетарной системы всходит и заходит как бы вхолостую. Ну, загаром нас покрывает. Ну, воду в пруду или в бочке на даче успевает согреть. Мало, мало... А нельзя ли?.. Сотни голов землян перегревались от напряжения ухватить новую идею использования даровой солнечной энергии. Луч, солнечный зайчик... Известно, что плотность теплового потока, излучающегося с небес, невелика — не более одного киловатта на квадратный метр. Раскаленный утюг всего-навсего? Но известно и другое: с помощью линзы можно лучистую энергию собрать в одной точке и сфокусировать «зайчик» так, что огнем вспыхнет все, что может гореть. До идеи получения рабочего пара в котле, который бы нагревали сотни «солнечных зайчиков», додумались давно. Но реализация ее затянулась. Откладывалась до лучших времен из-за массы технических трудностей.

На ум пришли строки Леонида Мартынова: «Высшая премудрость иногда преждевременна для человека». От Коперника земляне узнали, что Солнце стоит на месте,

а ходит вокруг него Земля. От Галилея люди узнали, что Земля еще и вращается вокруг своей оси, стало быть, и Солнце то греет данную точку планеты, то уходит за горизонт. А тучи? Они энергию любого «зайчика» поглощают... И еще. Хорошо бы зеркала, порождающие «солнечных зайчиков», все время держали Солнце в поле зрения, не упускали его, то есть сами по себе, на ходу вторили бы его движению.

Короче, проблем возникало много. Но, сколько бы их ни возникало в свое время, сегодня они преодолены. Идея обрела силу технической программы, воплощена в чертежах, моделях. И не только в Советском Союзе.

Уже строится первая в стране солнечная электростанция. Строится в Крымской области. На берегу Азовского моря. Едем туда.

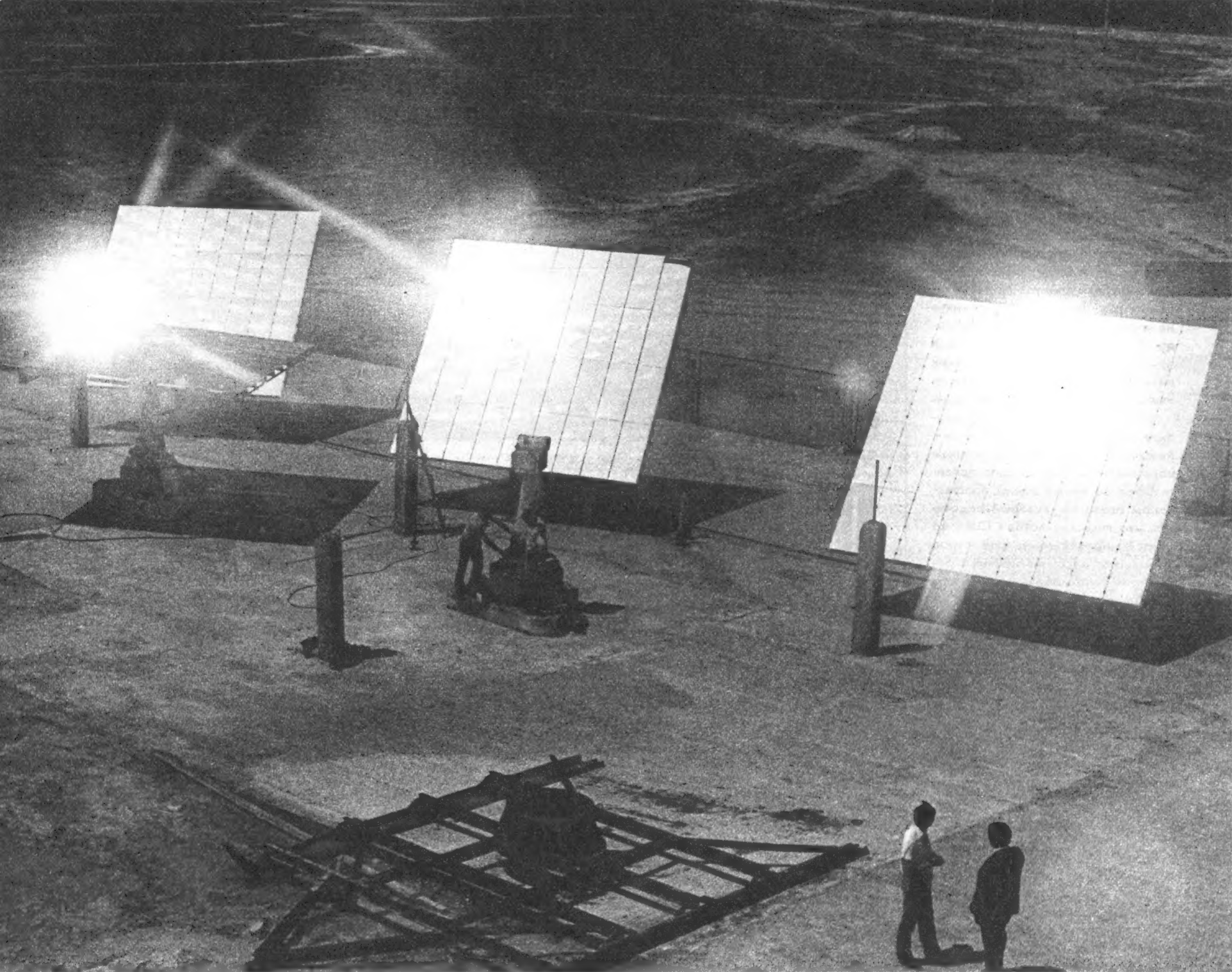
По дороге в дальний угол полуострова Валерий Степанович Галушак, начальник службы по эксплуатации Крымской АЭС (да, в области строят еще и атомную электростанцию), читает нам лекцию о Солнце и Земле, о возможностях человека эпохи научно-технической революции, вооруженного, в частности, достижениями кибернетики. В сущности, солнечная электростанция — сенсация. А наш гид Валерий Степанович — большой оптимист. Дело в том, что он уверен: за Крымской СЭС-5 последуют другие, более мощные. Крымская солнечная тоже крупная, ее проектная мощность — пять мегаватт. (Вспомним, что первая атомная имела такую же мощность.)

— Станция экспериментальная. Главное, добиться спланированной работы всех систем наведения, концентрации солнечной энергии, безотказной работы парогенератора...

Итак, берег Азовского моря, строительная площадка, суета самосвалов, горячий песок, вагончики для строителей; бетонные фундаменты для зеркал стали хороводом, а в центре — башня, на которой скоро будет установлен солнечный парогенератор, то бишь котел. С неба на торжественную суету людей в касках смотрит ярое око — Солнце. Жара тяжелая, слепящая, редко-редко отодвигает ее ветер с моря, но и он к полудню теряет силу. Древний, как мир, бог Ярило примеряет бетонную спецовку.

Что уже сделано? Работает испытательный полигон, где установлены гелиостаты. Зеркала. Большие: пять на пять метров. Специалисты — ловцы лучистой энергии — уточняют кпд. Измерительный экран, на который сводят лучи. Датчики... Тут наука. А рядом строители, монтажники — «зайчики». Строители свои — от управления строительства Крымской АЭС. Заказчика представляет заместитель директора по СЭС-5 Владимир Александрович Дубовенко. Он и продолжил вводную лекцию Галушака — рассказал о ходе уникального строительства:

— Наш проектировщик — рижское отделение института «Атомтеплоэлектропроект». Великое и участие проектантов, конструкторов из Министерства энергетики и электрификации СССР. Дело общее, заняты им сотни людей науки. Из чего исходили, выбирая место для станции? Солнечное сияние здесь достигает двух тысяч трехсот часов в год, даже чуть побольше. В том числе безоблачных часов более тысячи девятисот. Солнце здесь начинает работать уже с высоты пятнадцати градусов. Прямая солнечная радиация достаточно большая, а в конце июля достигает девятисот ватт на

Гелиостаты на полигоне.

квадратный метр. Но эту энергию надо собрать. Соберут ее гелиостаты, то есть подвижные зеркала. Целое поле гелиостатов. Мы расположим их по концентрическим окружностям, а в центре башня для СПГ. Вы ее видели, она готова.

Коли уж эта солнечная станция — первая в стране, я записываю, дабы оставить для потомков, имена главного инженера проекта рижанина О. Виндберга и научного руководителя эксперимента москвича И. Баума.

И тут уместно сказать о прекрасной преемственности: Игорь Валентинович — сын академика Академии наук Туркменской ССР В. А. Баума, автора концепции солнечных электростанций башенного типа, разработанной в институте имени Г. М. Кржижановского тридцать лет назад. Концепция эта положена в основу всех зарубежных и отечественных проектов СЭС.

На строительной площадке техник, куратор монтажных работ Елена Аваева и старший инженер технадзора дирекции Владислав

Васильев рассказали об особенностях проекта и ходе монтажных работ. Как будут работать гелиостаты? Вся надежда на кибернетику. Она осуществляет едва уловимое глазом движение зеркал, следящих за Солнцем в течение его рабочего дня. Зеркал будет 1600. У каждого свой угол отражения, свой маршрут — вокруг собственной оси. Взаимное затенение исключено. Датчики — их тут будут тысячи — соберут информацию о плотности потока солнечной энергии и при заданных параметрах будут автоматически вводить в действие гелиостаты. А еще монтируются ветродатчики, оптические датчики отраженного луча, каждое зеркало будет оборудовано приводами вращения по азимуту и зениту.

Уже смонтирована конструкция машинного зала электростанции. Площадь зеркального поля — сорок тысяч квадратных метров. Оно и соберет солнечное тепло на парогенераторе и будет поднимать давление пара до сорока атмосфер, а его температуру — до

двухсот пятидесяти градусов. Помните, что плотность лучевого потока на земле не превышает девятисот ватт? Так вот, на поверхности котла плотность эта достигнет 250 тысяч ватт на квадратный метр.

Осталось записать тех, кто работает на солнечном поле. Монтаж башни вела бригада Николая Палляницы. А все земляные и бетонные работы на основных сооружениях ведут крымчане — бригада на коллективном подряде Александра Кузнецова. Когда-то у него было всего двенадцать человек, а теперь в пять раз больше: тут и плотники, и землекопы, и бетонщики, ребята и с нивелиром могут и с автогенном... Асы. И все горды сознанием: рабочее место для самого Солнца-батюшки готовим! Елена Аваева, выражая ироническое отношение к нашему брату-журналисту, сказала: «В репортажах нас называют солнцепоклонниками!» Нет, конечно, не солнцепоклонники, но как-то сказать об этих людях по-особенному торжественно надо бы!..

Вот и машинный зал. Скоро начнутся пусконаладочные работы, а затем испытания. И тут наука много месяцев будет работать рука об руку с практиками — энергетиками. Вот зал для юстировки зеркал. Проект предполагает, что в ненастные дни и ночью турбина сможет работать от пароводяного аккумулятора. Аккумулятор тепла обеспечит турбину работой часа на четыре, а еще не менее десяти часов станция способна давать малый ток — две или две с половиной тысячи ватт. И вновь Валерий Степанович Галушак напомнил: станция экспериментальная. Не за морями время, когда будут одна за другой строиться солнечные электростанции с мощностью до трехсот мегаватт и, возможно, более. Человеческая мысль, конструкторская мысль на месте не стоит. Научно-техническое обоснование такой промышленной СЭС уже сейчас разработано под руководством Рустама Беровича Ахметова, директора института имени Г. М. Кржижановского. Так что придет время,

убежден наш гид Валерий Степанович, и энергетики используют солнечный луч напрямую. Фотоэлементы и сейчас запланированы на СЭС-5 для ориентации отраженного луча. Но фотоэлемент в принципе, очевидно, сможет и сослужить службу преобразователя тепловой энергии в электрическую?..

— Сколько стоит электроэнергия, дарованная Солнцем?

— Ничто даром не дается. Стоимость электроэнергии на опытной СЭС-5 будет дороже, чем стоимость энергии от тепловых или атомных электростанций. Но тут причина не в Солнце, действительно даровом и вечном источнике тепла. А в нас, людях, — ответил Владимир Александрович Дубавенко. И успокоил: — Слишком велики затраты на эксперимент. Так и должно быть. Новое оборудование. Велики расходы энергии на привод тысячи шестисот гелиостатов. Но, разумеется, как только технология СЭС будет здесь, в Крыму, отработана, как только солнцепоклонники из Энергетического института имени Г. М. Кржижановского предложат и внедрят новые свои технические решения, сразу поднимутся экономические показатели солнечных станций.

Следует выделить и такую мысль солнцепоклонников: при оценке достоинств СЭС надо учитывать, что источник исходной энергии вечен, а производство электроэнергии совершенно не загрязняет окружающий нас мир. Совершенно! И безопасность СЭС гарантирована самой природой. А все это чего-нибудь да стоит, если рассуждения о пользе вести к экономике, рублем с копейками. Но не все же к ним сводить! Речь идет о Солнце. О его сотрудничестве с человеком. Речь о мечте многих поколений — мечте, которую осуществляют рабочие в Крыму. В данном конкретном случае рабочими являются не только бетонщики да монтажники, но и те технари-интеллектуалы, которые на СЭС-5 испытывают и еще испытают различные конструкции гелиостатов. Здесь родится автоматика слежения за ярким оком. Здесь пройдет испытание солнечный котел... На какую чашу расходов положить неизбежные открытия для всего, может быть, человечества?

«Высшая премудрость иногда преждевременна для человека». Иногда. Но все же когда-то преждевременному приходит свое время. Коперник остановил Солнце, Галилей запустил наш зеленый шарик, как волчок. Кто-то придумал колесо, кто-то стекло, кто-то зеркало, кто-то фотоэлемент... И вот нашли новую работу для Солнца. В 1984 году закончится монтаж двадцати колец с зеркалами. И начнется испытание генератора, поднятого к Солнцу. Это все не когда-нибудь, а в текущем году, в нынешней пятилетке советских исследователей энергетических ресурсов будущего.

Давно сказано: «В яркое солнце во все глаза не взглянешь». И действительно, не поднять очей встречу крымскому солнцу. Но человек строит зеркальную ловушку, дабы перехватить яростные лучи; и солнце, даже самое нестерпимое, самое крымское, прольется однажды не без пользы. И безо всякого вреда. Для того и строят люди первую солнечную.

Инженер Владислав Васильев и бригадир Николай Палайница.

Родная, мы прогоним врага!

ПОДНИМАЛСЯ НАРОД НА ВОЙНУ

К 40-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ БЕЛОРУССИИ
ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

А. ЩЕРБАКОВ

Сорок лет позади, а еще взрываются при-
таившиеся мины, еще умирают от ран старые
солдаты, еще вглядываются в пугающую бес-
предельность дорог матери... И живет — гор-
до и упрямо — память о тех годах: о подви-
гах, муках, о неистребимой вере в Победу, за
которую, не жалея жизни, сражались 1418 дней
и ночей.

Как выстояли? Как вынесли? До сих пор
вспоминаем, рассказываем. И чем дальше,
тем больше дивимся, как много еще нерас-
сказанного. Партизанская война в Белору-
ссии... Сколько тут былей, звучащих легенда-
ми, сколько подвигов, сколько героических
свершений!

...Гитлеровская военная машина самоуверен-
но двигалась на восток. Пройденное счита-
лось завоеванным. Эта уверенность была од-
ной из самых грубых ошибок третьего рейха!

Захваченные фашистами советские земли
оставались непокоренными.

Уже 22 июня сорок первого года в Пинске
сформировался истребительный отряд под
командованием Василия Корже. 4 июля он
дал бой немецким кавалеристам. В середине
июля бывший директор картонной фабрики

Минай Шмырев увел в леса первый партизан-
ский отряд на Витебщине... А 6 августа вышел
Указ о присвоении звания Героя Советского
Союза белорусским партизанам Тихону Бу-
мажкову и Федору Павловскому — первым из
партизан Великой Отечественной.

Быстро росли партизанские силы. Отряды
Владимира Ничипоровича, Василия Воронян-
ского, Виктора Ливенцева, Бориса Булата,
Дмитрия Гуляева били врага по всем прави-
лам военного искусства. В сорок втором фор-
мировались уже партизанские бригады, а за-
тем и соединения. Их бойцы громили враже-
ские гарнизоны, уничтожали эшелоны, взры-
вали и жгли мосты, вели рельсовую войну,
добывали ценные разведданные. В городах,
поселках, деревнях складывались подпольные
группы и организации, помогавшие партиза-
нам и получавшие помощь от них. На терри-
тории многих районов восстанавливалась Со-
ветская власть.

Партизанское движение в Белоруссии было
интернациональным. Карачаевец Осман Ка-
саев, лейтенант-артиллерист, с боями отсту-
пал со своим полком от западной границы,
оказался в окружении. Создал партизанский
отряд, дерзко и умело действовавший под
самым Могилевом, где гитлеровцы держали
большой гарнизон. В начале сорок четвертого
Касаев погиб. Посмертно ему присвоено зва-
ние Героя Советского Союза. Белоруссия пом-
нит русского Константина Заслонова и грузина

Владимира Талаквадзе, украинца Евгения Фи-
липских, латыша Владимира Тубелиса, узбе-
ка Мамадали Топвалдыева.

Своими победами партизанская армия Бело-
руссии обязана и патриотам стран Европы, ко-
торые сражались здесь за свободу своих на-
родов, за общую Победу над фашизмом. Ге-
рой Советского Союза немец Фриц Шмен-
кель, Герой Советского Союза словак Ян
Налепка, поляк Ян Рачковский, бельгиец Жюль
Говартс, серб Борис Кутораш, испанец Хуан
Иглесиас, француз Леон Эйер, итальянец Ан-
тонио Черезелло достойны глубокого уваже-
ния как настоящие солдаты и верные друзья.

Побед у белорусских партизан было нема-
ло. Я расскажу об одной из самых важных,
добытой в десятках боев, победе, которая от-
крыла Суражские «ворота» летом сорок вто-
рого года.

Итак, отряд Шмырева — Батьки Минай, так
звали его в партизанском крае. Солдат пер-
вой мировой войны, партизан гражданской,
4 июля сорок первого он сформировал отряд
и ушел с ним в Суражские леса — на северо-
восток от Витебска. Начало биографии отряда
отражено в его дневнике.

«10 июля 1941 г. Вчера из рабочих фабрики
сформировали партизанский отряд.

12 июля 1941 г. Поступили сведения, что
немцы приближаются к Суражу, слышна
стрельба. 13-го утром отряд на фабричной
машине выехал в лес под Тимоховский маяк.

Вперед и только вперед!

И стар и млад...

Фото М. Трахмана

В День Победы по улицам Минска торжественным маршем проходят ветераны.

Бой за неведомую высоту.

Фото М. Савина

Мимо идут и едут красноармейские части. Пополняем боеприпасы.

15 июля 1941 г. Вчера весь день пополняли отряд вооружением. Достали станковый пулемет. Вечером к отряду присоединилась группа красноармейцев вместе с заместителем политука Жучковским в количестве 17 человек.

28 июля 1941 г. Мы с группой в 21 чел. сделали засаду на опушке леса близ дороги между Тимохами и фабрикой. Со стороны фабрики показались крупный конный обоз, пехота и автоколонна. Пропустив весь обоз, из засады обстреляли 4 грузовые машины. После обстрела бочки с горючим (9 шт.) взорвались. Машина с солдатами сгорела. Всего убито немцев 10—15 чел.

31 июля 1941 г. Нами уничтожено (сожжено) 3 моста на дороге от фабрики на Тимохи через глубокие овраги. В этот же день был сожжен наведенный немцами новый мост под Тимохами через р. Туровка.

7—10 сентября 1941 г. На всех дорогах Сураж — Усвяты, Сураж — Велиж, Усвяты — Велиж немцы вывесили большие объявления «Зона партизан» и предупреждают немецкие части остерегаться. Движение по этим дорогам резко сократилось. Партизаны наводят страх на немцев. При всяком передвижении фашисты предварительно обстреливают опушку леса из автоматов и затем едут. 9 сентября группой наших партизан на дороге Сураж — Усвяты подбита штабная немецкая машина. Убито 3 офицера и 1 солдат — шофер. Нами взяты ценные документы, оружие, пищевая машинка и много карт. После этого немцы еще более озлобились и стали контролировать дороги самолетами. Мы же считали, что каждый отвлеченный с фронта неприятельский самолет дал плюс нашей Родине.

Плюс нашей Родине. Сколько отдали тогда люди за то, чтобы Родина его почувствовала! — В истребительный отряд, который формировали тогда в Сураже, — вспоминает Даниил Федотович Райцев, — записывались без раздумий. Хотя не совсем ясно представляли себе, как справиться с вымуштрованным, отлично вооруженным и четко организованным врагом. Представляли только, что будет невероятно тяжело и что малой кровью Победу не добыть. За голову Батки Миная гитлеровцы назначили цену — двадцать пять тысяч немецких марок, а когда убедились, что партизанского вожака не предадут, взяли заложниками четверых его детей и расстреляли.

Четырнадцать родственников Райцева казнили фашисты, начал с отца, одного из первых в районе председателей колхоза, знатного кузнеца Федота Пахомовича. Даниил Федотович с болью рассказывает мне об этом в Витебском музее Миная Шмырева, где каждый стенд и каждый экспонат напоминают бывшему партизанскому командиру о жаркой военной поре. Ему недавно исполнилось семьдесят. Но Даниил Федотович Райцев крепок, точен в деталях восстанавливаемых событий.

— Начинали — что и говорить! — трудно. Оружие взяли, какое было в военкомате да в Осоавиахиме. Силу чувствовали в ненависти к врагам. Я работал землеустроителем, как свои пять пальцев знал район, поэтому меня назначили начальником разведки. Помню первую вылазку. Выследили немцев, которые во время отдыха решили искупаться. Мы испортили им отдых: восемь фашистов осталось на берегу.

Группа ушла в леса Канищевки и Касплянской дачи. Гитлеровцам спокойно жить не давали. Помню, нашли пушку, правда, без прицела, раздобыли и снаряды. Как-то увидели, что на другом берегу Двины остановились немецкие машины. Мы по ним из пушки! Потом паром взорвали, мельницу в Шекилях и маслозавод в Москальках из строя вывели — оккупанты для своих нужд их приспособить пытались. Бургомистраты разгоняли, мешали гитлеровцам продукты в деревнях собирать. К осени я стал командиром. А в Суражском

и Витебском районах, кроме нашей группы и отряда Шмырева, действовали группы Михаила Бирюлина и Алексея Дика, ставшие в сорок втором году отрядами.

В декабре 1941 года началось наступление Красной Армии под Москвой. В конце января 1942-го войска 4-й ударной армии под командованием генерал-полковника А. И. Еременко, закончив Торопецкую операцию, получили приказ выйти в глубокий тыл, перерезать коммуникации вражеской группы армий «Центр» и во взаимодействии с другими армиями Калининского и Западного фронтов разбить ее.

«За восемь дней боев, — пишет в своих воспоминаниях Маршал Советского Союза А. И. Еременко, — с 22 по 30 января, армия продвинулась с боями на 100—115 километров и вышла в район Велижа...»

Фашистское командование поняло, что дальнейшей целью нашего наступления является выход в район Витебск, Орша, Смоленск. Этот район был важным узлом коммуникаций и местом нахождения баз снабжения, связующим звеном между группами армий «Центр» и «Север», здесь располагались также крупные штабы. В связи с угрозой выхода наших войск в этот район гитлеровцы начали поспешно перебрасывать сюда свежие дивизии с запада. Здесь сосредоточивались крупные силы в составе шести-семи дивизий.

Почти месяц изнурительных боев, соседние армии отстали, пополнение людских и материальных ресурсов зимними дорогами затруднено. На рубеже Велиж — Сураж — Демидов продвижение 4-й ударной армии остановилось.

Естественно, во время наступления Красной Армии партизаны действовали активнее, целеустремленнее. Им удавалось координировать свои усилия со штабами армейских частей и соединений, а на некоторых участках действовать в буквальном смысле слова плечом к плечу. «В начале февраля 1942 года, — читаем в книге «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков», — отряд под командованием М. Шмырева, взаимодействуя с 21-й стрелковой бригадой и 62-м отдельным лыжным батальоном Красной Армии, очистил от врага 3 сельсовета». Не отставали от них отряды Д. Райцева, А. Дика, М. Бирюлина, М. Дьякова. «Так возникла, — говорится в той же книге, — Суражская партизанская зона. К лету 1942 года границы ее значительно расширились, охватив обширную территорию в четырехугольнике Сураж — Витебск — Городок — Усвяты...»

У немцев не хватило сил разъединить партизанскую группировку с армейской. Между Велижем и Усвятами образовались сорокакилометровые «ворота», так нужные не только партизанам Витебщины, но и всей Белоруссии.

И снова говорит Д. Ф. Райцев:

— Гитлеровцев, конечно, бесило то, что мы удерживали «ворота». Они предпринимали все, чтоб ликвидировать партизанскую зону. Мы держались. Вот один, можно сказать, будничный день тогдашней жизни. Наш разведчик, тринадцатилетний Федя Климович, узнал, что в направлении деревни Курино движутся от Витебска немцы — человек пятьсот. Мы решили устроить засаду возле деревни Плоты. Гитлеровцы переночевали в Лучихе, а утром двинулись дальше, рассчитывая навязать нам бой в районе Плотов. Мы опередили их. Засады ждали карателей в трех местах — в небольшом леске, у окраины деревни и на кладбище у дороги, где снежные заносы мешали колонне развернуться в цель, пустить в дело артиллерию. Ударили мы дружно! Немцы заметались на узкой дороге, несли потери. Однако их численное превосходство было слишком велико, и в конце концов они сумели организовать бой. Он длился почти три часа. И хотя у нас было чуть больше ста бойцов, мы не отступали. Тогда гитлеровцы попытались атаковать нас с тыла — в обход деревни Плоты направилось более ста солдат. Наше положение осложнилось. Но мы выстояли.

В этом бою все партизаны дрались отчаянно и бесстрашно. Пулеметчик, комсомолец Михаил Сильницкий, заняв позицию на чердаке дома, не давал врагу ворваться в деревню. Когда кончились патроны, Михаил пошел на немцев врукопашную. В руках остался только нож. Он сумел им уничтожить троих гитлеровцев. В том бою Михаил Сильницкий погиб. Посмертно он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Фашистам не удалось разгромить отряд Райцева. Крепко побитые, они отошли к Витебску.

А «ворота» оставались открытыми. Больше двадцати тысяч мужчин было мобилизовано на территории Белоруссии и переправлено через «ворота» в Красную Армию. На восток шли обозы с зерном, сеном, картофелем. Вот, например, интересный документ, экспонируемый в Белорусском музее истории Великой Отечественной войны: «Секретарю ЦК КП(б) Белоруссии т. Пономаренко: В дополнение к докладной записке секретаря Витебского обкома т. Стулова сообщаю: из пределов Белоруссии сдано Красной Армии 300 голов крупного рогатого скота, 55 лошадей, 44 свиньи, свыше ста возов сена, свыше 200 подов картофеля, свыше 10 тонн капусты и огурцов. За февраль — март месяцы из белорусского населения перешло границу и вступило в ряды Красной Армии около 3 тысяч человек, одним только партизанским отрядом Дьякова было направлено в ряды Красной Армии 1500 человек».

На восток эвакуировали раненых и больных партизан, семьи из деревень и поселков, на которые обрушивался гитлеровский террор. А на запад переправляли специальные группы для укрепления партизанских рядов, разведчиков, подрывников, связистов, боеприпасы, взрывчатку, медикаменты.

В апреле отряды, удерживавшие Суражскую зону, объединились в первую Белорусскую партизанскую бригаду под командованием Миная Филипповича Шмырева. В зоне восстановили Советскую власть, функционировали райком партии и райисполком. Приток бойцов в бригаду Шмырева был так велик, что она помогала комплектовать партизанские формирования в других районах и областях республики.

Оккупанты, конечно же, пытались сломить народное сопротивление. Весну, лето, начало осени 1942 года Суражская зона не знала тишины. Особенно трудно было в июне. Почти весь месяц партизаны отбивались от карателей, пытавшихся захватить плацдарм на правом берегу Западной Двины и сбить партизанские заставы у Велижа и Усвят. И лишь в сентябре сорок второго, когда гитлеровское командование подтянуло на этот участок фронта танки, когда вызвали авиацию, немцам удалось закрыть «ворота». Но и то на время — в июне сорок четвертого враг был выбит из этих мест.

* * *

3 июля Белоруссия празднует день освобождения от немецко-фашистских захватчиков. В нынешнем году — сорокалетие. И снова вспоминает она тех, кто сражался на ее священной, обильно политой кровью земле. Почти четыреста тысяч бойцов было в партизанском войске, в одном строю с ними — семьдесят с лишним тысяч подпольщиков. В сорок четвертом они помогли доблестной Красной Армии очистить Белоруссию от фашистов и приблизить Победу.

Навечно отлиты в бронзе пятеро сыновей Анастасии Фоминичны Куприяновой, которых она потеряла во время войны.

Фото В. Жука

ПОЧТА ЖЕНИ, КАТИ, МАШИ И ТАНИ

В редакцию пришла поздравительная открытка, на которой значился не совсем обычный адрес получателя: «Москва, Бумажный проезд, 14, «Огонек» № 52 (декабрьский 1983 год). Переправьте, пожалуйста, Шашковой Евгении Николаевне». А на месте для письма убоиристые строчки:

«Уважаемые Евгения Николаевна, и ваши девочки Юля, Женя, Маша, Катя, Таня, и ваши бабушки! От всего сердца разрешите поздравить вас с Международным женским днем 8 Марта! Желаем вам всем крепкого здоровья, чистого неба над головой. Коллектив стройгруппы Волновашского райпотребсоюза. Донецкая обл.»

Таких писем с поздравлениями и самыми добрыми пожеланиями московской семье, в которой родилось четверо девочек-близнецов, очень много. С теплыми словами обратились к ним В. Дроздова из Волгограда, Н. Кимкина из Прокопьевска, И. Андрющенко из Краснодарского края, Л. Ануфриева из Усть-Каменогорска, В. Привольный из Ростовской области и многие, многие другие читатели.

«Смотрю я на ваше фото в журнале: ну точно так же мы своих когда-то кормили — всей семьей, — пишет Татьяна Дерябина из Новосибирска. — Мы ведь испытали почти подобное в двадцать лет. Теперь нашей троице уже по десять лет! Учатся в третьем классе. Сын Дима — богатырь, а девочки Марина и Ирина так и растут с

разницей в весе и росте, но до Димки им далеко. Всей семьей бились с трудностями и заботами.

Дорогие Женя и Мария Дмитриевна, хочется поцеловать ваши руки! Я-то знаю, за что!!! Кто еще лучше меня вас сейчас поймет? Положите вы все силы, и даже те, которых в вас нет, найдете, а детям отдадите! Хочется прибегать и помочь вам; я бы, честное слово, прибегала, если б жила в Москве.

Так вот: желаем вам счастья! Трудное оно у вас, и еще много впереди бессонных ночей и больничных листов, моральных, материальных и просто физических проблем. Мы в свое время так уматывались с тремя, что я в обморок падала. А тут ведь пятеро... Пусть вам будет хорошо и сейчас, и через год, и через десять лет. И если когда-нибудь буду в Москве, я не пройду мимо вашего дома, привезу вам подарки от моих троюняшек».

Но вот о чем в конце письма пишет Татьяна Дерябина, обращаясь уже к редакции:

«Дело это удивительное — растить детей и выйти из трудностей с честью! Мы-то не можем похвалиться помощью и заботой о нас с чьей-либо стороны. Все сами, да и опыт в двадцать лет был мал».

Нетрудно понять, в чью сторону обращены эти запоздалые упреки Татьяны Дерябиной. Впрочем, почему запоздалые? Трое детей далеко не в каждой советской семье. И разве не общественным организациям по месту работы родителей, отделам и постоянным комиссиям Советов

народных депутатов, райисполкомам нужно думать о них, проявлять внимание и заботу к их нуждам? Это касается медицинского и различных видов бытового обслуживания, предоставления путевок в дома отдыха и пансионаты родителям с детьми. Большую помощь могут оказать предприятия общественного питания, магазины. Во многих райисполкоммах ряда городов, в том числе Москвы, Ленинграда, Киева, семьи с тремя и большим количеством детей поставлены на учет. Им преимущества в предоставлении мест в яслях и детских садах. Они прикреплены к столам заказов гастрономов и продовольственных магазинов на получение заказов без очереди, а иногда и на доставку их на дом.

Однако, как показывают письма, такая забота проявляется далеко не везде.

Немало писем от матерей, семьи которых остро нуждаются в улучшении жилищных условий. Некоторые из писем редакция направила председателям городских и районных исполнительных комитетов. Исполкомы должны решать эти вопросы более внимательно.

Тревожные сообщения поступают и из сельских мест. Это особенно удивительно: ведь в деревнях и поселках плотность на-

селения во много раз меньше, чем в городах. Казалось бы, здесь каждая большая, многодетная семья на виду и должна быть в центре внимания. Но вот письмо по этому поводу.

«Я живу со своей семьей на Украине в с. Голыво Полтавской области, — пишет А. И. Вивчаренко, — у нас одиннадцать детей, старшему 17 лет, а меньшему четыре месяца. Бабушен и дедушен возле нас нет. Одни живут километров за пятнадцать, другие за семь километров, няни нет также. В журнале много написано интересного про Шашковых, как они справляются с разными проблемами. У нас так не получается».

«Прочитала про Шашковых — и обидно стало мне за сельских детей и многодетных матерей, — пишет товарищ Замятин из села Семиярово Тюменской области. — Село у нас небольшое. В селе три многодетные семьи, но внимания к ним как со стороны руководителей, так и со стороны исполкома сельского Совета никакого. Если мы ведем разговор о выделении жилплощади для многодетной семьи, то мы забываем о детях и ищем причину только для того, чтобы отказать. Но ведь дети не должны страдать из-за пьяницы-отца, который не вырабатывает минимума рабочих дней. И нужные меры наказания другие, которые бы не отразились на детях. Нет своевременного медицинского обслуживания, не выделяют для многодетных семей молочных продуктов. У меня лично пятеро детей: три мальчика и две девочки. Жилая площадь дома всего 35 квадратных метров. Детям трудно

«Цена «бесплатных» потерь» — так называлась статья, опубликованная в «Огоньке» № 31 за 1982 год. В ней рассказывалось о сложнейших проблемах, стоящих перед производственным объединением «Апатит», — проблема комплексной переработки сырья и связанных с ними вопросах сохранения окружающей среды.

С тех пор прошло менее двух лет, то есть срок, возможно, и небольшой для коренных изменений. Однако, думалось нам, какие-то шаги в этом направлении должны же быть сделаны. Но увы...

А потери все растут

Еду на строительство апатито-нефелиновой обогатительной фабрики № 3 (АНОФ-3). Не нужно быть специалистом, чтобы понять, сколь велики масштабы будущего производства, основанного на самой современной технологии. Главным ее достоинством должен стать стопроцентный водооборот. Суть здесь в том, что вода, используемая при обогащении руды, делая свое дело, будет возвращаться на обогатительную фабрику, что предполагает чистоту производства, отсутствие сбросов грязной воды.

Вода берется и будет браться из озера Имандра, огромного водоема площадью 812 квадратных километров и глубиной до 67 метров, некогда бывшего жемчужиной Кольского полуострова. До 1963 года при обогащении руды никакого оборота воды вообще

не было, отходы шли напрямую в Имандру. Потом стали вводить оборотное водоснабжение. Несколько лет назад им было охвачено уже 80 процентов производства фабрики АНОФ-2. Полный оборот ожидался в 1983 году, так, во всяком случае, сказал автору этих строк Г. А. Голованов, бывший в ту пору директором производственного объединения «Апатит».

И вот, готовясь к новой поездке на Кольский полуостров и просматривая номера мурманской областной газеты «Полярная правда», я натолкнулся на внушительных размеров интервью Г. А. Голованова, озаглавленное «Сохраним здоровье Имандры» (15 июля 1983 года). Приведу выдержки из этого материала:

«На днях в производственном объединении «Апатит» полностью завершён переход на оборотное водоснабжение апатито-нефелиновой фабрики № 2... Все эти усилия позволили мне подписать при-

каз, обуславливающий запрещение сброса в озеро Имандра... Сейчас фабрика полностью изолирована за счет своих коммуникаций от озера Имандра... Долг природе возвращаем...»

И тогда я решил позвонить в Апатиты и поздравить с этим событием своего старого знакомого, доктора биологических наук Василия Васильевича Крючкова, заведующего лабораторией охраны природы Кольского филиала АН СССР. Василий Васильевич — боец бескомпромиссный, отчаянный. Воюет, невзирая на лица, ему все равно, кто перед ним, а правда у него одна — природа, с которой на Кольском отношении у производственников далеко не добрые.

И вдруг из телефонной трубки донеслось такое, во что поначалу даже трудно было поверить:

— Какие там сто процентов? И в помине их нет, все как было, так и осталось. Причем убежден, что и восьмидесяти процентов тоже нет, я же постоянно просматриваю данные нашего гидрохимического бюллетеня, вот выводы и делаю.

Приезжаю в Апатиты, встречаюсь с нынешним директором объединения П. Н. Якимовым, держа в руке «Полярную правду». (Г. А. Голованов вскоре после той публикации переехал в Ленинград, где сейчас профессорствует в горном институте.)

На мой вопрос о причинах столь непонятного заявления своего предшественника Павел Николаевич лишь пожимает плечами:

— Я таких слов не произносил, и ничего подобного тому, о чем здесь написано, нет.

Дело обстоит вот как. Чтобы пустить полный водооборот на АНОФ-2, необходимо прежде всего расширить хвостохранилище этой фабрики за счет отсечения от Имандры участка площадью в несколько квадратных километров. Но с сооружением дамбы масса проблем, и сроков окончания возведения перемычки никто не знает.

До недавнего времени казалась безнадёжной ситуация с реагентами. Но вот уже в марте этого года стало известно, что поставят известь-пушонку взялся Пикалевский глинозёмный завод. А с талловыми маслами дела обстоят по-прежнему катастрофически плохо. Причем объединению «Апатит» нужны масла исключительно из хвойных пород деревьев, а ему упорно отгружают из лиственных пород, которые для данной технологии непригодны. Вот что уже в Москве сказал мне кандидат технических наук И. И. Девяшин, главный обогатитель Всесоюзного объединения «Союзгорхимпром» Министерства по производству минеральных удобрений, в которое входит и «Апатит».

— В начале 1982 года мы получили письмо за подписью заместителя министра лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности Н. Г. Никольского, в котором говорилось, что возможности министерства по

готовить уроки. И изменить ничего не могу...»

Конечно, положение в семье Замятиной нелегкое. И все-таки... Оказывается, автор этой исповеди, иначе ее и не назовешь, — председатель сельсовета.

«Со стороны исполкома сельского Совета не принимаются меры по улучшению быта многодетных семей, так как в состав этих семей входит и моя. И все, что хочется сделать для этих семей, получает-ся, что я делаю для себя».

На наш взгляд, автор письма оказалась в плену ложной скромности. Сельсовету предоставлены немалые права, и надо научиться пользоваться ими. Ведь в постановлении апрельского (1984 г.) Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении работы Советов народных депутатов» подчеркивается значение местных Советов в выполнении планов развития жилищного и коммунального хозяйства, расширении сферы услуг, повышении культуры обслуживания. Можно собрать многодетных женщин, руководителей местных предприятий и учреждений, посоветоваться с ними, как поступить. Как народный депутат райсовета, товарищ Замятина правомочна поставить этот вопрос на сессии или постоянной комиссии райисполкома Ханты-Мансийского района. Депутаты ее поймут и поддержат, и тогда это будет решение вопроса по жилищной проблеме, проявление заботы о многодетных семьях, в том числе и ее семье. Больше настойчивости и инициативы надо проявлять для налаживания медицинского обслуживания и обеспечения молочными продуктами. Надо привлекать к решению этих вопросов местных хозяйственников, объединять свои усилия с народными контролерами.

Галина КУЛИКОВСКАЯ

производству талловых масел значительного больше наших запросов. Поэтому нам было рекомендовано обращаться за решением вопроса в Госснаб СССР. Однако Госснаб нам отказал и продолжает отказывать по сей день.

Прежде чем будут введены в действие производственные мощности фабрики АНОФ-3, предстоит достичь стопроцентного водооборота на АНОФ-2. На фабрике был построен специальный цех механико-химической очистки, который обошелся государству в 7,5 миллиона рублей. И вот цех уже третий год простаивает: нет реагентов. Мы готовы работать по новой технологии, сказал директор объединения П. Н. Якимов. Готовы, несмотря на то, что при стопроцентном водообороте снизится извлечение апатита. Но что делать? На карту поставлены интересы природы, здоровья людей. Жалко, что Госснаб СССР этого не хочет понять.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Мы обращаемся к заместителю председателя Госснаба СССР А. Н. Лебедю с просьбой разъяснить причину создавшегося положения в обеспечении производственного объединения «Апатит» флотационными реагентами.

В РЕДАКЦИЮ ПРИХОДЯТ ПИСЬМА...

«Письмо не напечатано, меры приняты» — рубрика эта постоянно появляется на страницах нашего журнала. И чаще всего речь идет о той помощи, которую оказывают людям на местах по просьбе редакции. Жалуются, к примеру, читатель А. А. Бобровский из Балакова, что замучился с ремонтом телевизора Львовского телевизионного завода «Электрон-736». Чинят, чинят его в гарантийной мастерской, а он все плохо работает. А ведь тов. Бобровский — инвалид войны II группы, и доставлять тяжелый аппарат из мастерской домой и обратно ему тем более не просто. И что же? Редакция посылает письмо в соответствующее министерство, и вскоре получаем ответ от начальника главного управления, что вопрос решен и жителю Балакова А. А. Бобровскому будет выдан новый телевизор взамен старого.

В результате переписки между редакцией с производственным объединением «Киевский радио-завод» и вышестоящим министерством решен вопрос о ремонте телевизора другого нашего читателя, жителя г. Саратова А. П. Минченко: специально командированный представитель завода В. А. Тепляков выехал в Саратов и восстановил работоспособность телевизора «Славутин-220».

О чем говорят эти примеры? С одной стороны, отрадно, что столь высокие инстанции не остались равнодушны к жалобам людей, но вместе с тем законно возникает вопрос: неужели так уж сложно было решить этот вопрос на месте? И тогда нашим читателям не надо было бы использовать редакцию в роли самого заурядного толкача.

Но подобные в общем-то письма продолжают идти в редакцию. На холоде в своих квартирах, на неисправность теплоснабжения, протечку кровли жаловались читатели Н. А. Головырских из Таллицы, А. Я. Сепетенко из Сызрани, С. Д. Блинов из Ленинграда, Е. Л. Власова из Свердловска. И не потому, что люди эти какие-то беспомощные и не знают, что, если у вас лопнули трубы, не поступает горячая вода или протек потолок, надо обращаться в аварийно-диспетчерскую службу по месту жительства, в центральной тепловой пункт, в жилищно-эксплуатационные конторы. Нет, все это наши читатели знали и обращались в соответствующие организации, и неоднократно. Писали, ходили, собирали подписи по дому, стучались в двери разных начальников, просили, умоляли, но, к сожалению, безрезультатно.

У нас в редакции нет специалистов — сантехников, ремонтников, но мы взяли помощь нашим читателям своим словом и помогли.

Причем самое удивительное, что исправили все те же люди, которые уклонялись от выполнения своих обязанностей... пока не заработала цепочка «Читатель — редакция — исполком Совета народных депутатов — производственное жилищно-ремонтное объединение».

«Двадцать лет я читаю журнал «Огонек» и, может быть, именно поэтому решил обратиться к вам, рассказать о своей жизни, о своих проблемах» — так начал свое письмо в редакцию житель Гурьева М. С. Собор, в котором рассказал, что прожил жизнь нелегкую, рано остался сиротой, воспитывался у бабушки, но уже с малолетства привык кормить себя сам, работая в колхозе в трудное послевоенное время, учился в школе. Потом работал на буровой, на химзаводе, исправно выполняя свои обязанности.

Сейчас у него большая семья — жена и пятеро детишек, а он, единственный кормилец семьи, и сожалению, часто болеет, очень плохо стало со зрением, да и другие хвори одолели. Врачи же, к которым обращался, отнеслись к нему недостаточно внимательно и только после жалобы в облздравотдел положили на обследование в больницу. «В больнице восемнадцать дней брали анализы и сказали: «Здоров как бык», — с откровенной прямой написал М. С. Собор, — выписали, а через три месяца снова заболел, три дня ходил в поликлинику от врача к врачу, в результате получил выговор на работе за прогул без уважительной причины». Писал в газеты, приехали из горсовета, сказали: «Ваши дети, вот сами о них и заботьтесь, раньше надо было думать, как с ними жить будете».

Обращение в «Огонек» оказалось результативнее. Из Гурьевского горкома КП Казахстана нам сообщили, что М. С. Собор был освидетельствован на межрайгортЭК, в результате объективного осмотра установлен диагноз заболевания, определена III группа инвалидности, установлена пенсия, рекомендован труд, не связанный с напряжением зрения. Автор письма принятыми мерами удовлетворен. Комментарии, как говорится, излишни.

Приходит редакция вести дела и многолетние, многотомные, многотрудные. Еще летом 1982 года появилась у нас в редакции молодая женщина из Батуми В. В. Смирнова. Дело в том, что ее с ребенком решением нарсуа по иску Батумского горисполкома выселили из квартиры ее родной бабушки Е. Сукаревой, с которой она проживала одной семьей не один год еще при жизни дедушки. Вела общее хозяйство. И вот старини умерли, и Смирнову стали выселять из квартиры. В квартире больного отца с матерью (плюс сестра с двумя детьми), где она ранее проживала, она тоже потеряла прописку. А жизнь у молодой женщины сложилась непросто. Два года была замужем, умер первенец, муж попал под машину. Родился второй ребенок, через некоторое время вышла замуж вторично, через полтора года утонул второй муж — моряк, вдова ждала нового ребенка. Бабушка последние годы очень болела. Приходилось работать, ухаживать за старым и малым. Правда, на заводе, где работала Смирнова, очень помогали, сочувствовали одинокой матери. И вот теперь еще

горе — выселение из квартиры матери-одиночки, ожидавшей ребенка. Началась длительная переписка с Прокуратурой Грузинской ССР, Батумским горкомом КП Грузии, просьбы редакции в порядке исключения отменить выселение. Отказ — и снова письма-ходатайства редакции в Прокуратуру СССР. Дело приостанавливалось и снова возникало. Все эти годы сплошная нервотрепка и бумаги, бумаги. И вот в ответ на очередное обращение редакции в Батумский горком КП Грузии наконец получаем последнее, как мы надеемся, решение: «Исполном Батумского городского Совета народных депутатов предоставил в порядке исключения квартиру по ул. Барбюса гражданке Смирновой В. В.».

Правда, справедливости ради хочется сказать, что среди наших читателей редко, но встречаются и любители пожаловаться на местные органы власти или просто считающие, что лучше сразу же написать в редакцию — пусть за нас похлопочут. Вот, например, выдержки из двух ответов, полученных редакцией, из которых вся история вопроса ясна сама собой.

«С. Г. Решетникова была приглашена на беседу в РК КПСС. Как выяснилось, по вопросу приобретения стиральной машины, постельного белья, продуман она не обращалась ни в торговые предприятия, ни в поселковый Совет. В настоящее время многодетной семье Решетниковой проданы стиральная машина, постельное белье и отдельные продукты питания. В поселковом Совете многодетная семья Решетниковой поставлена на учет для оказания необходимой помощи.

Секретарь Чановского райкома КПСС
А. Сапелин».

«Товарищ Степанов А. Н., инвалид Великой Отечественной войны II группы, проживает в благоустроенной квартире с 1978 года, постоянно обращается с жалобами по различным вопросам в партийные, советские органы.

В 1983 году торговыми организациями города выполнено 10,5 тысячи заказов инвалидов Великой Отечественной войны, инвалиды I группы обслуживаются на дому, предприятиями бытового обслуживания города им оказано услуг на сумму 11,4 тысячи рублей, 32 предприятия оказывают шефскую помощь в вопросах ремонта квартир, строительства гаражей, обеспечения топливом.

Секретарь Дзержинского горкома КП Украины
Г. Величко».

Пусть не подумает читатель, что редакция отказывается помочь тем, кто в этой помощи нуждается. Пишите нам обо всем, что вам мешает в жизни. Хотелось бы, чтобы наша переписка всегда заканчивалась такими словами, какие пришли в редакцию из чужацкого города Шумерля от читателя В. Чупыркина:

«Благодарю вас, дорогая редакция, от имени жителей всех наших десяти многоквартирных домов, объединенных одним двором».

В. МОРОЗОВА
зам. отдела писем
и массовой работы

Игорь ДОЛГОПолов,
заслуженный деятель искусств РСФСР

ШЕДЕВРЫ

*Нет ничего выше и прекраснее,
чем давать счастье многим людям.*
Бетховен.

Окрестности Рима. Безлюдны просторные пляжи. Мертвый сезон. Прохладно. Резкий влажный ветер гонит серые, мятые обрывки газет, анилиново-яркие проспекты, афишки, пустые гремучие консервные банки. Мерный накат оставляет на кромке мокрого крупного песка клочки белой пены, космы коричневых водорослей. Волны Тирренского моря смывают чьи-то следы. Игруют брошенной куклой в пестром розовом платье... Огромное белое солнце висит в сизом апрельском небе. Безграничная, ошеломляющая даль воды. Пустынно. Ни облачка, ни паруса. Тишина.

Дорога вьется вдоль побережья. Мелькают черные пинии, пепельные оливы, маленькие домики, виллы. Вихрем проносятся встречные машины — слоподобные цистерны, громадные самосвалы, шустрые «фиаты». Пахнет бензином, пылью и морем. Шоссе черно-фиолетовое, с аккуратной, прочерченной посреди линией окружено выгоревшими, но все же цветастыми павильонами, лавчонками, палатками, оклеенными крикливыми рекламами. Бессезонье...

Кампо дель Фико («Поле кактусов») — дом великого итальянского ваятеля Джакомо Манцу. После условного сигнала железные ворота автоматически раздвигаются. И вот на пороге виллы — сам хозяин. Коренастый пожилой человек. Красное, обветренное лицо крестьянина. Клочковатые седеющие волосы. Глубоко посаженные острые глаза. Тонкий, с горбинкой нос. Две глубокие морщины сбегают к углам мягко прочерченного рта. Странное сочетание добродушия и какой-то тревожной озабоченности. Массивный подбородок говорит о недюжинном характере... Пожатие его крупной прохладной шершавой руки энергично — это дань творца. Ведь именно он, Джакомо, дерзнул создать скульптурный декор врат храма святого Петра в Риме. Манцу как бы перекинул мост из XX века туда, в такой далекий, почти легендарный мир Ренессанса. Мир Леонардо, Рафаэля, Микеланджело.

Просторный холл. Светлая комната со скупым убранством. Скрамная, удобная, простая мебель. Гладкие стены. Светоносные окна. Джакомо Манцу, положив тяжелые руки на стол, неспешно говорит: «Я люблю Россию. Мне нравится Москва. У вас добрый, гостеприимный народ. А главное, что я понял, что у вас ценят настоящую красоту. Я убедился в этом, когда увидел, как публика смотрит выставку, как слушают симфоническую музыку, как любят классическим балетом. Да, ныне безумно модно говорить о какой-то особой экспрессии, присущей нашему машинному веку. Но я вижу тех же красивых детей, женщин. Таких же, как у мастеров, писавших мадонн в кватроченто. Поэтому, когда я наблюдаю изображения уродливых людей во имя каких-то новаций, мне это кажется бредом. Мне порою думается, что Запад сошел с ума. Нас приучают восхищаться цинизмом, насилием, вседозволенностью. С юных лет наши дети знакомятся по телевидению с пропагандой секса, а то почти откровенной порнографией. Трудно поверить, но на школьной скамье частенько сидят подростки-наркоманы. Да, много у нас в быту есть такого, о чем вы не знаете...» Мастер вздохнул. Встал, подошел к окну и задернул штору.

— «Киднап». Это жуткое слово пришло к нам в Италию из Америки. Точнее, из США. Кстати, как и многое другое... Но киднап — похищение детей — ворвалось в мою жизнь как смерч. Не так давно у меня пытались украсть мою дочку Джулию и сынишку Милето. Для выкупа. Прямо здесь, у самого дома. Они собирались ехать в школу. Было светлое утро... Манцу поднял могучую руку и провел по изрезанной морщинами щеке. Опустил глаза... О мадонна, как это было страшно! Джулию и Милето спас мой шофер почти ценой жизни. Его тяжело ранили. Он долго был на грани бытия. Так в мою судьбу проникли те грязь и ужас, которые каждый день размазывают наши кино, газеты, телевидение, журналы. Вы, слава богу, запретили это у себя. Это прекрасно и достойно высокого звания Человек. Я не раз говорил Инге, что мечтал, чтобы мои дети воспитывались в Москве. Тогда я был бы спокойнее.

Слушал мудрого мастера, создавшего прекрасные творения искусства, видел беспокорность, печаль, пробегающие, как тени, по его лицу, и одна неотступная фраза, произнесенная им, служила как бы лейтмотивом всего этого короткого, но столь значительного по смыслу разговора: «Запад сошел с ума». И хотя со дня нашей встречи прошло уже больше десяти лет, его голос до сих пор звучит, как

струна. Самое жуткое, что сила этого афоризма ничуть не ослабела. Наоборот... Я не знаю, что сказал бы сегодня Манцу. Но думаю, что тревоги ваятеля, певца Красоты, Жизни, Человека усугубились. Тогда еще не стоял так остро и злобеще вопрос об атомной войне...

Долго, долго мы бродили с художником по его музею, который он назвал «Собрание друзей Манцу». Это был незабываемый мир пластики и тишины. Дивные изображения любимых Джулии и Милето. Красавицы Инги... Портреты, скульптурные группы... Суровые кардиналы. Своеобразный язык скульптур Манцу неподражаем. Он сочетает великолепное чувство реальной формы с какими-то присущими лишь ему терпкими акцентами, придающими его творениям особое очарование. Манцу подошел к изображению еще совсем малышки Джулии, сидящей на стуле. Погладил ее по щеке и как-то лукаво сверкнул глазами. Я понял, как никогда, слова Гоголя: «Едва есть ли высшее из наслаждений, как наслаждение творить...»

Смеркалось, когда мы вышли из музея. Солнце скрылось за зубчатую стену черных кипарисов и пиний. На кристально прозрачном небе загорелась первая звезда. Джакомо Манцу провожал нас. У самых ворот вдруг остановился. Показал на большую клумбу: «Вот здесь я чуть не потерял моих детишек». Мне вдруг показалось, что вечерняя звезда, сверкнув, упала на морщинистую щеку Манцу и покатила в траву...

...И снова шоссе. Запах бензиновой гари. Пестрая суeta машин и реклам. Обычные будни обычного вечера весны семидесятых годов XX века. Побережье. Отсветы заката. Пустое сияющее пространство. Беззвучно бегут волны. Одна за одной. Неустанно. Как тысячи лет тому назад. Как будут накатывать на берег еще миллионы раз.

По этому пляжу, возможно, бродил Сандро Боттичелли. Прошу моего друга остановиться.

Немолчный шепот прибоа. Влажный песок. Раковины, раковины. Я поднял розовую ракушку, почти такую же, как та, из которой вышла «Венера» Боттичелли. Прошло пять столетий. Сколько изменилось в мире! Но как животрепещущи темы света и тьмы, добра и зла, которые волновали Сандро Боттичелли. И терзают душу Джакомо Манцу. Только, пожалуй, ныне эти проблемы стали планетарней. Они немедленно требуют ответа. Решения. Ведь сама Земля, род человеческий находятся под угрозой нового апокалипсиса.

Все ярче и трепетнее мерцают звезды на медленно угасающем небосводе. И в бесшумном говоре морских волн мне почудилось, что я слышу голос старого философа: «Звездное небо надо мною, нравственный закон во мне».

Сумерки вползли в безлюдную вереницу дворцовых зал Ватикана. Кардинал Сальвиати боялся спугнуть робкую тишину. Приподняв края пурпурной мантии, чуть прихрамывая, брел он по бесконечной анфиладе. Мерцающие, как призраки, беломраморные лики некогда грозных императоров, статуи античных богов сурово взирали на непрошеного пришельца. Вдруг Сальвиати вздрогнул. В полумраке он увидел мираж. «Бельведерский торс» шевелился. Замирая от ужаса, кардинал напряг зрение. Он углядел невозможное. Перед изломанной вандами греческой скульптурой стоял на коленях... Микеланджело. «Невероятно!» — изумился Сальвиати. Каждый в Риме знал, что нет сына Адама своенравнее и нетерпимее, чем этот флорентинец. Ведь он смел дерзить самому Юлию II. И папа, перед которым порою робели короли и князья, терпел неучтивую мужиковатость Буонарроти. ...Грозный ваятель резко обернулся. Нелепый. Почти горбатый. Взярошенный, как птица... Кардинал отпрянул. Он со страхом заметил невидящие, будто ослепшие глаза художника. Различил его истеричное страданием, изборожденное резкими морщинами, орошенное слезами лицо. Словно вернувшись из иного мира, Микеланджело вздохнул. Коснулся корявой, искалеченной непосильным трудом рукой крутого лба. Горько прошептал: «Это произведение человека, который знал больше, чем сама природа, и великое несчастье, что оно так изуродовано...»

Таков был Буонарроти — «первый художник» мира. Настолько была ранима его душа. Гордая и нежная. Мастер походил на ежа — внешне колючий и неприступный, он обладал сердцем мягким и любвеобильным. Но это была его тайна. Микеланджело тщательно ее оберегал от лукавых и липких взоров придворных согладатеов и криводушных льстецов. Но мудрый Юлий II разгадал этот секрет. Переносил и прощал многие странности непокорного ваятеля, живописца и зодчего. Папа чуял, что Микеланджело возьмет его с собою в вечность. И не

Пальма иль Веккио. Около 1480—1528. КРАСАВИЦА. Около 1520.

Из собрания Тиссен-Борнемиса. Швейцария.

Витторе Карпаччо. Около 1455 или 1465—1526. МОЛОДОЙ РЫЦАРЬ НА ФОНЕ ПЕЙЗАЖА.

Из собрания Тиссен-Борнемиса. Швейцария.

Франс Хальс. Между 1581 и 1585—1666. РЫБАК, ИГРАЮЩИЙ НА СКРИПКЕ.

Из собрания Тиссен-Борнемиса. Швейцария.

**Франсуа Буше. 1703—1770.
ТУАЛЕТ. 1742.**

Из собрания
Тиссен-Борнемиса. Швейцария.

Альбрехт Альтдорфер. 1480—1538. ПОРТРЕТ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ.

Из собрания Тиссен-Борнемиса. Швейцария.

Николас Мас. 1634—1693. НЕПОСЛУШНЫЙ БАРАБАНЩИК.

Из собрания Тиссен-Борнемиса. Швейцария.

Караваджо. 1573—1610. СВ. ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ.

Из собрания Тиссен-Борнемиса. Швейцария.

ошибся. Скользнули в бездну столетия. Давным-давно нет в живых Юлия II. Только специалисты-историки помнят и знают имена кардиналов. Но с каждым мигом все грандиознее и величественнее предстает перед родом людским содеянное Микеланджело Буонарроти. Ибо его шедевры — вехи в истории цивилизации планеты. И чем дальше во времени будут удаляться земляне от поры создания этих негасимых звезд культуры, тем все ярче и светозарнее будет их сияние...

Журнал публикует в этом номере шедевры из коллекции Тиссен—Борнемиса. Это западноевропейская живопись XIV—XIX веков, экспонировавшаяся в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. На обложке — картина Франсиско Гойи «Асен-сио Хулио».

Капелла церкви Сан-Антонио де ла Флорида. Свет из стрельчатых окон полосами пробивает тьму. Серебряные пылинки пляшут в самих солнечных бликах. Леса, стропила, перекрещенные доски. На помосте валяются кисти, краски. Посреди этого первоизданного хаоса — человек — художник Асенсио Хулио. Худенький, экспансивный, счастливый. Ведь он помогает работать самому Гойе. Шутка ли писать рядом, даже не писать, а иногда таскать ведерками воду, тереть краски, дышать одним воздухом с Франсиско. Слушать его слова... И кропать на бумажке ответ. Увы, строгий мастер глух уже шесть лет. Сейчас король заказал Гойе эти фрески. Таких не видела еще родина неподражаемых художников. Это чувствует Асенсио, и душа его ликует. Таким написал его Гойя. С маху, за два сеанса. Начертил в левом нижнем углу: «Гойя другу своему Асенсио»...

Гойя... Это великий среди великих испанцев. Только он — последний великий испанец в XIX веке. Зато он проложил дорогу всей европейской живописи на столетия вперед. Ведь недаром говорят, что была живопись до и после Франсиско. И это святая правда. Могучий Гойя, буквально как Брейгель и Босх, перевернул все представления о фантастическом и реальном. Но он умел писать так, что на его полотнах не постыдился бы поставить свою подпись сам Диего Веласкес.

Гойя открыл новь. Он сломал барьеры классической испанской школы. Только, пожалуй, Эль Греко мог так сразить зрителя неожиданным решением холста. Но в отличие от Доменико Теотоккопули Гойя писал в основном не библейские темы. Пафос его творчества — народ, время, в котором он жил. Это он воскликнул: «О народ! Если бы ты знал, что ты можешь». А Гойя знал. Но что он мог сделать? Он сражался, как лев. Его серии эстампов «Капричос» и «Бедствия войны» до сих пор не превзойдены как гражданственная публицистика, доведенная до высочайшей степени метафоры обличения. Сын Арагона, Гойя плоть от плоти народа. Мать говорила ему: «Франчо, ты луком родился, луком — не розой помрешь». И он не изменял себе, когда писал фамильные портреты королей (он был первый, любимый художник двора). Можно удивляться лишь одному — до какой степени кретинизма доходили порфиросные Бурбоны, не понимая и одобряя обличающие, злоеющие свои лики на полотнах Гойи. Но такова логика власти. Великолепа кисть Франсиско. Он сохранил навеки эту веселую и жуткую, ароматную и зловонную, божественную и чудовищную жизнь своей эпохи. Зеркало палитры, острая, как шпага, кисть Гойи, прожившего жизнь, полную звона клинков, поцелуев, вздохов и ...трагической болезни, глухоты, сроднившей его с другим гением — Бетховеном. Кстати, их лица похожи. Массивные, мужественные.

Гойя, как никто в его время, владел мастерством письма а-ля прим. Он обладал абсолютным чувством тона, цвета, композиции. Поэтому невероятная свежесть его полотен поражает и ныне. Но в отличие от сырых, ненарисованных этюдов некоторых наших нынешних мастеров «картины-этюды» Гойи совершенны по терпкому, единственному его видению мира, стальной меткости кисти, каждый удар которой ложился в цель.

Готье писал: «Один эскиз Гойи, четыре точки в темной глубине его акватинты скажут больше о нравах его страны, чем самые длинные ее описания».

Он феноменально раздвинул представление о мире фантазии, мечты, аллегии, метафоры. Философия его на первый взгляд странных, а порою и жутких грез ныне необычайно актуальна. Надо только удивиться, как наши современники, живущие в век эпохальных противоречий, борьбы «вчера и завтра», пишут иногда статичные, без остроты работы. Конечно, не все. Но все-таки боевое, патристическое искусство Гойи будто призывает нашу молодежь к большей культуре, к страстности, к гражданственности...

«Человечество околдовано неудержимым движением науки, и только искусство способно вернуть его к реальности» — эти на первый взгляд парадоксальные слова Бернарда Шоу несут в себе глубокий смысл. Не секрет, что с каждым годом все убыстряется пульс бытия. Век научно-технической революции невероятно ускорил динамику, темп некогда более размеренного образа жизни. И люди, завороченные этим круговоротом все нарастающего стремительного ритма XX века, то ли за отсутствием свободного времени, то ли из-за бесконечной доступности средств массовой информации, особенно телевидения, то ли из-за всевозрастающей урбанизации отодвигаются все дальше и дальше от природы — теряют ощущение причастности к миру прекрасного. Они, как белка в колесе, все учащают и учащают свой бег во времени. Прагматизм, суеда в погоне за долларовой или иной фортуной все более разрушают духовный мир Запада. Вот тут и проясняется скрытое значение слов мудрого английского писателя. Роль искусства в наше время всеобъемлюща, если оно человеческо. Тогда оно возвращает Человека самому себе. Восстанавливает утраченные связи с природой. Заставляет объемно и убедительно ощутить цельность, достоинство человеческой личности. Это бесконечно наглядно, когда прикасаешься к творениям истинных композиторов, поэтов, писателей, художников...

«Красавица», созданная венецианским художником Пальма иль Веккио, — жемчужина итальянского Высокого Ренессанса.

Самое поразительное, что «Красавица» далеко не идеал красоты. Придирчивый физиономист может заметить, что и нос у нее длинноват да и черты лица мелки. Но разве в этом суть шедевра? Чудо в том, что все кажущиеся недостатки меркнут в общем очаровании совершенства пластики цвета, пропорций, композиции, а главное, в гармонии гуманизма, властвующей в картине. Василий Суриков восторженно воскликнул о живописи Тициана и венецианских мастеров XVI века (к которым принадлежал и Пальма Веккио): «...эти старики ближе всех других понимают натуру». «Красавица». Холст долгое время приписывался Тициану из-за сходства с «Любовью земной», одним из персонажей его знаменитого полотна — «Любовь земная и небесная». Но ныне автор установлен — Пальма Веккио. Из золотой тяжелой рамы, обрамляющей картину, из черной бархатной тьмы на нас, обитателей восьмидесятых годов XX века, спокойно и величаво глядит гордая и своенравная женщина. Художнику было сорок лет, когда он создал полотно и вложил в это творение все свое мастерство. То был «золотой век» венецианского искусства. Еще недавно творил «чародей из Кастельфранко» Джорджоне, трагически погибший совсем молодым. В ту пору расцвело дарование могучего Тициана. В 1500 году Венецию посетил кудесник «сфумато», гениальный Леонардо да Винчи. Вдумайтесь, в сиянии каких «солнц» писал этот портрет Пальма Веккио. ...На нас взирала сама Венеция. Царица Адриатики. На картине нет ни пышных палаццо, ни дворца дождей, ни озаренных морским солнцем великолепных бирюзово-малахитовых каналов с плывущими черными гондолами. Но посмотрите на роскошный разлет покатых, осеянных бронзово-золотыми кудрями. Вглядитесь в строгий, непреклонный взор патрицианки, и вас посетит не только восторг, но и трепет. Дочь Венеции знала силу и власть своего обаяния. Неотразима ее чарующая недоступная открытость. Влияние праматери Евы — в нерешительном жесте руки, поправляющей прическу, в тщательно обдуманном магических сочетаниях складок драгоценных пунцовых, синих, белоснежных тканей, словно обрамляющих лунно-янтарное мерцающее тело молодой женщины. Особая мягкость разлита в прозрачных тенях — ласковых и зовущих. В картине нет и следа сюжета. Все предельно просто. Но зато в ней звучит, пожалуй, самый великий мотив искусства всех времен и народов — Человек. Значительный. Целый и сложный.

Переверните страницу цветной вкладки, и вы сразу можете увидеть мир, в котором появилась «Красавица» Пальма Веккио.

«Молодой рыцарь на фоне пейзажа». Эта большая картина принадлежит кисти Витторе Карпаччо. Он родился в Венеции либо в 1455, либо в 1465 году. О его жизни и творческой судьбе известно крайне мало. Хотя полагают, что он умер в Венеции в 1526 году. Его живописи присуще влияние позднего кватроченто. Карпаччо... Он обладал редким даром видеть мир увлекательно и свежо. И хотя его циклы жития святых лишь пересказ древних легенд, в них с достоверностью изображен быт родного города с таким тщанием и душевностью, что эти росписи стали символом Венеции его времени. Словом, представьте себе, что вместо темного фона в полотне «Красавица» вы видите замок, море и молодого кондотьера Франческо Мария делла Ровере, готового вынуть меч и сразиться немедленно. Ведь уже с 1523 года (а «Красавица» написана в 1520 году) он был главнокомандующим венецианских военных сил. В ту пору ему было тридцать три года. Сенат подарил ему дворец, и наша героиня могла вполне посещать праздники и приемы, которые устраивал рыцарь неаполитанского ордена Горностаея. На картине Карпаччо Франческо еще молод. Так же, как природа, которая его окружает. Поют птицы. Цокают копыта коня, оседланного грозным воином. Диковинные звери бродят по берегу морского залива. В густой траве вы заметите в левом углу белого горностая — символ его рыцарского ордена. Часами можно разглядывать это полотно: так любовно и с таким добрым чувством выписаны все детали. Начиная с облика юноши, его сверкающих доспехов и кончая цветами и кроликами, фламинго, оленями, собаками, населяющими этот мажорный, полный вешних неистощенных сил мир. Но, не забывая, еще миг — и вся эта идиллия может быть нарушена, ибо пора, в которую жили красавица и кондотьер, была эпохой ожесточенных войн, а Венеция в то время отстаивала свою независимость от иноземных захватчиков. Может, поэтому так горда и неприступна прелестная дочь Венеции, изображенная Пальма Веккио...

Взгляните направо. Немедля волшебное искусство перенесет вас в Голландию, в другую эпоху. Как разительно несходство этих двух картин! Карпаччо весь чеканно четкий, будто страница из атласа, соединяющего историю, ботанику, зоологию, географию и архитектуру, — и вдруг Франс Хальс — шутник — преподносит полотно-метафору. Вечную тему: человек и природа. «Рыбак, играющий на скрипке» — весельчак в нахлобученной длинношерстной голубой шапке, жизнерадостный, пылуший какой-то поистине античной энергией, напоминающий древнего пана. Только вместо свирели в руках у него скрипка. Одна странность — он левша. Это наводит на мысль, что Хальс писал почти автопортрет. Хотя музыкант несколько не похож на истинного автора холста. Однако не тайна его пристрастие к застолью, любовь к немудреному народному быту (ведь жил он в Харлеме, хотя и родился в Антверпене). А Харлем — город рыбаков, крепких, смелых парней-зубоскалов и трудяг. И хотя Франс Хальс, ставший знаменитым и достопочтенным мастером, получал заказы из кругов патрициев и бюргерства, он все же сохранил, как и Рембрандт, вечную привязанность к людям из народа.

Хальс — живописец, намного опередивший свое время в смысле раскованности письма. Его лучшие портреты «Малле Баббе», «Цыганка» и этого рыбака могли с успехом быть датированы XIX веком. Настолько артистично и в то же время зримо звучит в них гармония рисунка, цвета, композиции. Настолько они поистине импрессионистически реальны. Естественно, что рассказ о жизни и творчестве Хальса требует и места и показа ряда работ из его замечательного наследия. Но даже эта картина поражает своей кипучестью, лукавством, полна жизнелюбья и добра. Искусство Франса Хальса, его картины обладают, как, впрочем, полотна всех крупных мастеров, одним поразительным качеством. Их холсты чаруют вмиг. И что необычно важно:

Хальса можно заметить за сто шагов, настолько своеобразна и оригинальна манера его письма. Он подобно птице поет, выпевает свои творения. И этот мажорный, жизнелюбивый тонус передается зрителю. Около картин Хальса всегда царит улыбка, радость...

Играет скрипка, напевает нехитрую мелодию скрипач. Плещут волны, бегут высоко в небе серебристые тучки. Вечная, неумирающая жизнь.

Однако это не означает, что время, в которое жил и творил Хальс, было столь счастливым. Но это осталось за кадром...

...Разворот вкладки... Как говорят в театре — полная перемена.

Только что мы дышали свежим морским воздухом, слушали немудреную игру скрипача. Пахло морем, солью, рыбой, потом, но вдруг мы попадаем в будуар светской дамы. В душный мир, благоухающий пудрой, французскими духами.

Уютно потрескивают дрова в камине. Тепло. Интерьер забит до предела вещами. Чего здесь только нет! Зеркало над роскошным мраморным камином и мехи для раздувания огня. Веер. И горящая почему-то свеча. И резное кресло с изогнутыми опорами, с валяющейся меховой шубкой. Диковинная пестрая птица из фарфора и столь же затейливые китайские птахи-шинуазы на ширме, из-за которой выглядывает живописный портрет хозяйки. Сегодня будет насмешливое и жутковатое слово «вещизм». Одно из его проявлений — странное и порою бестолковое желание забить жилье антиквариатом. Вот в этой комнате бездна предметов для любителей «шкикарной» старины. А где же люди? — спросите вы. Погодите... Познакомимся с автором картины.

Франсуа Буше... Чародей. Моднейший живописец своей поры. Художник «искусства приятного». Артист, мастер гривуазных пасторалей, мифологических любовных сцен и знаток светских будней. Полотно «Туалет» весьма типично для его искусства. Человек потонул во множестве аксессуаров, написанных с блеском. Сюжет предельно прост. Молодая дама занята туалетом. Она мило болтает со служанкой, может быть, обсуждая последние, «свежие» новости после недавних встреч. Рисунок фигур, складки одежды, ракурс изящных туфелек — все исполнено безукоризненно. Словом, в этой картине есть все, что угодно заказчику или заказчице. Хотя, возможно, сам Буше и любит этим сладким хаосом и пустяковостью чувств, витающих в приторном будуаре, но зритель, любящий большое искусство, и только что познакомившийся с величественной «Красавицей», не может не почувствовать перемену в образе человека, который с таким достоинством и так уважительно отражен в картине Пальма Веккио.

Вот зримый пример движения искусства. Так весьма ярко чувствуется разница между стилями «итальянский Ренессанс» и «рококо» во Франции...

В полотне Франсуа Буше скрыта тайная ирония. В отличие от обличительных бытовых композиций англичанина Хогарта муза Буше мягка и дружелюбна. Художник поместил у ног хозяйки будуара кошечку, играющую с мячом. Это метафора. Символ беззаботности и игривости хозяйки будуара. Это сказано тонко. Без нажима. Хотите — догадайтесь. Хотите — не замечайте.

И вновь контраст.

Вслед за галантным и, по существу, суетным Франсуа Буше — вдумчивый и где-то наивный, но мудрый Альбрехт Альтдорфер. Его «Портрет молодой женщины» — бесхитростный и в то же время бесконечно своеобразный — уникален. Ведь живописец за свою более чем полувековую жизнь (он родился в Регенсбурге в 1480 году и умер там же в 1538 году) создал много картин, по большей части пейзажей, и славу обрел именно благодаря этому жанру, хотя немецкая школа имеет в его лице «композитора», создавшего немало картин, овеянных романтическим духом древних легенд и библейских сказаний. Сказочность и фантастика его полотен уходят корнями в народный фольклор.

«Портрет молодой женщины» почти единственное изображение человека крупным планом в искусстве Альбрехта. И надо отдать должное, мастер раскрывает перед зрителем глубокое чувство любви и уважения к портретируемой. Как графический четок силуэт женской головки в своеобразном уборе. Великолепна пластика самой живописи. Альтдорфер, очевидно, работал тончайшей иглоподобной кистью. Кое-где видны нервные, характерные акценты, подчеркивающие форму либо определяющие границы переходов цвета. Как тщательно, поистине с бюргерской трезвостью выписана одежда — строгая, носящая оттенок нравственной чистоты и духовной красоты модели. Поза женщины статична. Таков порядок, уклад быта. Но взгляните в ее руки, унизанные перстнями: как они нервны и подвижны. Ведь портретируемая еле сдерживает желание что-то сказать, подтвердить слова жестом руки. Но молчит. Только черные, как маслины, глаза словно пронизывают зрителя. Особенно заметен ее горящий взгляд на фоне бледного, застывшего лица с тонкой линией поджатых губ. Крепкие скулы и слегка выдающийся подбородок, вздернутый нос говорят: эта женщина с характером и может постоять за себя.

Так, несмотря на внешнюю статичность и некоторый педантизм, живописец все же оставляет невольный образ живой и психологически очень непростой. Есть предположение, что этот единственный его женский портрет — изображение супруги.

Время стирает подробности биографий художников, как вода шлифует любые острые камни, превращая их в гальку. Счастье в том, что великие художники оставляют по себе знаки — картины. И по этим вехам можно иногда многое понять...

«Непослушный барабанщик».

Николас Мас изобразил в этой картине свой дом. У люльки дочки Иоганны сидит супруга Адриана Брауэрс. Мачеха показывает розги своему пасынку Юстусу, который посмел разбудить малютку, застучав в барабан. Художник, изобразивший себя в зеркале, висящем на стене, запечатлел эту нехитрую сценку. Картина написана явно под влиянием Вермера и его школы, ибо Мас жил в Делфте, откуда вернулся в родной Дордрехт. Он родился там в 1634 году, а умер в Амстердаме около 1693 года.

Надо заметить, что в 1648 году Мас работал в мастерской Рембрандта в Амстердаме, но, думается, искать влияния мудрого ван Рейна в искусстве этого плодовитого и преуспевающего художника не следует. Слишком взвешенно и расчетливо расставлено все в картине. Поэтому и влияние гениального Вермера Делфтского тоже скорее чисто внешнее. Похож интерьер. Висящая на стене карта. Разработана тема окна. Соблюдена неукоснительная геометрия перспективы.

Взгляните на это полотно. И вас, наверно, посетит некое ощущение уюта, обжитости — непреложной константы бюргерского бытия. Достигнутого благополучия. Картины чем-то схожи, хотя принадлежат разному времени и странам...

...Микеланджело Караваджо. «Св. Екатерина Александрийская».

При первом взгляде на картину трудно себе представить, что она означает. Беззаботно облокотясь на колесо, похожее на колесо телеги, сидит милая серьезная девушка в строгом бело-коричневом одеянии. Она спокойно взирает на зрителя, ее правая рука покоится на блестящем мече. В ногах парчовая алая подушка, на которую брошен пучок хворостин. Никогда никто не может себе представить, что гордую и предельно сдержанную молодую женщину буквально через миг подвергнут жесточайшим пыткам. Что вскоре ее распнут на этом колесе и будут четвертовать именно этим мечом и избивать розгами, возлежащими на подушке. Художник считал нужным изобразить Екатерину как символ полной отрешенности от грядущих пыток. Ее фанатизм передал Караваджо с суровой монументальностью.

Живописец-новатор прожил всего 37 лет. Но вклад его в историю живописи огромен. Он, по существу, был одним из первых представителей «живописцев реального», повлиявших позже на такого крупного художника-реалиста XIX века, как Курбе. Сила Караваджо была в редком умении придавать мифологическим и библейским персонажам вполне осязаемую, реальную форму, кроме того, его отличала необычно скульптурная, весомая лепка формы, построенная на сильных контрастах света и тени. Мастер противопоставил свое творчество маньеризму и успешно преодолел это влияние. Герои его холстов — люди мужественные, темпераментные, обладающие недюжинным характером. В таком направлении творчества живописца немалую роль сыграла его судьба, полная драматических, а порою трагических ситуаций. Он был непомерно вспыльчив, дрался на дуэлях. А в 1606 году убил в ссоре соперника и вынужден бежать из Рима в Неаполь. Художник умер в расцвете творческих сил, изнуренный тяжелой болезнью, в 1610 году. «Екатерина Александрийская» была написана в 1597 году по заказу мецената кардинала Дель Монто одновременно с рисунками в церкви Сан Лунджи ден Франчези. Холст знаменует уже зрелый стиль мастера и отличается монументальностью в решении формы. Особо следует отметить превосходное светотеневое решение, которое, несмотря на некоторую черноту, подкупает благородством и обобщенностью. Это, несомненно, одна из жемчужин собрания.

Старая московская квартира. Тихий вечер. Неяркий свет. Собрались соседи. Давно знакомые люди. Вспоминают, что-то рассказывают. Негромкая беседа. Телевизор выключен. Только поблескивает в сумерках выпуклое стекло экрана. Хлопнула входная дверь. Раздался смех. Прозвучали шаги. В большую комнату пришли дети хозяев. Зажгли люстру. Юноша произнес:

— Предки, хотите увидеть нечто? — И, не ожидая ответа, вынул из кармана пиджака небольшую кассету. Раздалось шуршание... Через мгновение на экране возникла надпись — «Шедевры Парижа». Раздалась знакомая мелодия из фильма Рене Клера «Под крышами Парижа».

Парень погасил большой свет. Нотр Дам де Пари. Остров Сите, подобно древнему кораблю, поплыл в огнях ночной Сены. Эйфелева башня проткнула звездное небо. Закрутилась сверкающая мельница Мулен Руж, и вдруг из тьмы возникло задумчивое лицо Жюмонди. Так начался проход по Лувру. Менялись залы. Звучала веселая музыка. Вдруг рядом со строгим профилем Венеры Милосской появился на экране силуэт молодой парижанки. Звенел смех. Мчались машины. Это был своеобразный коллаж, не претендующий на высокий вкус. По существу, рекламный ролик для туристов.

Видеокассета... Она неумолимо ворвалась в жизнь, как в свое время пришло радио, кино, телевизор. Так в доме рядом с книгой со временем появляются записи любимых фильмов, концертов, художественных музеев. Все ближе и ближе к нам новое тысячелетие, вместе с голографией, стереокино, огромными телеэкранами. Фантастика становится явью. Научно-техническая революция вместе с ЭВМ и другими чудесами приходит к нам в гости, чтобы составить часть нашего бытия. Такова логика времени.

Готовы ли мы к этому новому потоку? А ведь если подумать, то умное, рачительное использование техники всегда полезно. Правда, проще отмахнуться и не заметить или не освоить это новшество. Но, думается, скоро, очень скоро во множество домов придет видеокассетное телевидение. И это будет не только повторение кино, но и совсем новая форма изобразительной информации. В каждый дом может войти прекрасное. Это огромная сила, воспитывающая в миллионах людей чувство красоты. Задумался ли кто-нибудь о стратегии и использования нового мощного импульса: пропаганды, воспитания в человеке, особенно в молодом, чувства уважения к непреходящим ценностям национального и мирового искусства... А ведь Эрмитаж, Третьяковка, Русский музей, Музей имени Пушкина, десятки других дивных собраний нашей Родины были бы всегда рядом со зрителем. Лучшие собрания мира — Лувр, Ватикан, Прадо и другие — могли бы раскрыть свои коллекции. Словом, вопрос назрел. И рядом с фильмами об отдельных современных больших мастерах в дом тысяч и тысяч телезрителей придут любимые ими мастера прошлого и настоящего. Надо исследовать и продумывать, повторяю это слово — стратегию пропаганды большого искусства. И это принесет неоценимые плоды в деле воспитания нового человека, духовно богатого, обладающего чувством любви к Родине, искусству, к Прекрасному.

Вячеслав СЛАВИН

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Ночной поезд

Тем временем поезд вышел на развилку, колеса хаотически застучали на стрелках, выбившись из привычного ритма. Крохин дотронулся до шеи и ощутил под пальцами гусиную кожу, покрытую скользкой испариной. Вместе с платком из кармана на свет был извлечен большой неуклюжий ключ с тяжелой, аляповатой биркой гостиничного номера.

«Опять забыл сдать!» — раздосадовался он и уже был готов положить эту малоизящную отливку обратно, как холод на ладони вернул к сегодняшнему утру.

«Стоп! Вспомнил!» — Он чуть не хлопнул себя по лбу, хотя действительно вспомнил, как утром, когда он прямо с озера зевал в гостиницу, женщина-портье вручила ему этот ключ.

— Сегодня ночью вас разыскивала по телефону супруга, — сообщила она приглушенным голосом с видом соучастницы. При слове «супруга» губы ее округлились.

— Спасибо, я уже разговаривал с ней, — соврал он быстрее, чем подумал.

— Вот и прекрасно, — почти улыбнулась портье, но в голосе прозвучало: «Ну и хорош гусь!»

Крохин побаивался портье, лифтерш и консьержек, как боится их весь мир, потому что всюду они одинаковы.

Придя в номер, он немедленно заказал разговор с женой. Ларисы дома не оказалось. «Что бы это могло значить? Она ни разу не звонила сюда, да еще ночью. Подожду до завтра. Приеду утром домой и во всем разберусь». И, решив не тратить больше времени на догадки, он погрузился в обычные предпоездные заботы.

Сейчас, в поезде, история с телефонным звонком вызвала у него куда больше тревоги, чем прошедшим в суете утром. Ощущение, что неприятности подкрадываются с разных сторон, стало вдруг настолько реальным, что он огляделся. В вагоне было тепло и тихо. Спящие на скамейках люди своими расслабленными телами тщательно повторяли за вагоном все его покачивания.

Крохин наклонился вперед и заглянул в темное окно. Его отражение, словно поджидая этот момент, сразу прилипло к обратной стороне стекла.

«Взгляни на себя, на кого ты похож!» Из-за стекла на Крохина смотрело сильно поматое лицо, знакомое, но имевшее мало общего с тем, которое он видел еще сегодня утром в облесшем зеркале гостиничного шкафа.

«Что же тебя так искорежило?» — прордебезжал неприятный голос.

«Не валяй дурака, ты же знаешь».

«Ночной звонок Ларисы?»

«Именно. Хотя конкретных оснований для волнений не вижу: мог же я где-то задержаться».

«Мог. А если она звонила под утро?»

«Портье сказала «ночью», а потом какое это имеет значение?»

«Имеет. Представь, она узнала о твоих амурных делах и решила...»

«Сама узнать она не могла, а слушать сплетни да еще звонить из-за этого ночью? Нет. Она слишком хорошо воспитана».

«Делает ей честь. Однако четыре года твоего затянувшегося адюльтера — срок достаточный, чтобы любое тайное стало явным».

«Общие выкладки меня не интересуют. Сей-

час важно одно: узнала ли она что-нибудь и каким образом?»

«Мне это неведомо. Думаю, о многом могла и сама догадаться».

«Каким образом?»

«Ты же не можешь сказать, что прилагал максимум усилий, чтобы сохранить в тайне свои личные отношения?»

«Это унизительно».

«Неправда! Тебе было просто лень заниматься этим».

«Помилуй, что ты несешь?»

«Конечно, ты не возвращался домой со следами губной помады или с запахом незнакомых духов».

«Не так уж мало».

«Допустим. Но тебе не приходило в голову подумать, что говорить о своем времяпрепровождении в командировках, даже в тех редких случаях, когда Лариса интересовалась этим».

«Откровенно говоря, я и не помню, как реагировал на ее любопытство».

«Довольно странно. Если хочешь, могу напомнить».

«Конечно».

«Вместо ответа ты обычно ложился на диван, устало закрывал глаза и создавал образ человека, настолько утомленного служебными заботами, что заставлять тебя отвечать на какие-либо вопросы становилось не менее кощунственным, нежели расспрашивать умирающего о содержании оставленного завещания».

Крохин на минуту задумался.

«И тем не менее я не был столь небрежен, чтобы вызвать у нее подозрения».

«Хорошо, ты ни при чем, допустим, что кто-то другой все рассказал ей. Что это меняет?»

«Ровным счетом ничего. Дерьмо люди! Донесли!» — обругал он кого-то, проникнувшего в его тайну.

«Рассказали».

«Сначала рассказали, а потом все-таки донесли».

«Пусть будет по-твоему».

«Если разобраться, то всей этой истории и на один донос не хватит. Представь себе, в каком-то учреждении, вернее даже, в филиале, расположенном далеко от столицы, руководитель ухаживает за своей сотрудницей. Старо и затерто до дыр».

«Не ухаживает, а соблазнил и продолжает соблазнять вот уже четыре года».

«А что, если они соблазнились сразу оба? И, может быть, это самое счастливое время, в котором они будут вспоминать весь остаток жизни? И при чем тут третий, который вытаскивает чужое белье и показывает другим?»

«Справедливо, если третий не твоя жена».

«Я уже говорил, что Лариса не опустится за этого. А потом, скажи мне на милость, зачем современной женщине искать подтверждение неверности мужа?»

«Ну знаешь! Если бы я мог объяснить поступки женщин...»

«Занятно. — Крохин даже слабо улыбнулся. — Признаюсь, я никогда не задумывался над тем, что бы Лариса предприняла, узнав, что я...»

«Ушла».

«Ты серьезно? Интересно, куда? Твои же Мопассаны и Бальзаки утверждают, что женщины несвойственно перемещаются в пустоту, она уходит к другому».

«Ушла бы к другому».

«Сразу?»

«Почему сразу? У нее было достаточно времени, чтобы подыскать себе даже принца».

«Намекаешь на мое частое отсутствие?»

«Хотя бы».

«Она не столь легкомысленна, чтобы в отсутствие мужа устраивать отношения с первым встречным».

«Тебя тоже нельзя отнести к числу ветреных, а вот видишь...»

«Оставь меня в покое! Я мужчина, и это наконец мое биологическое преимущество!»

Это начинало бесить Крохина. К счастью, поезд сбавил скорость, подходя к станции, и отражение, заведя свет, на полном ходу прыгнуло со стекла, уступив место фигурам на платформе, ежившимся от ночного холода. Крохин, воспользовавшись моментом, откинулся на спинку скамейки.

После того, как вагон миновал освещенную полосу, Крохин постарался как можно дольше не возвращаться к окну. Нежелание объяснялось в первую очередь тем, что отношения между ним и отражением с каждой поездкой ухудшались. Характер у негатива заметно портился: он становился малопокладистым, злобным и желчным, что делало их совместное ночепрепровождение малоприятным.

Крохина же и без того одолевала сомнения. Однажды, сам того не заметив, он предоставил себя под заселение двум женским душам, которые, как водится, тут же затеяли невыносимую склоку, безжалостно раскачивая маятник его душевного равновесия.

Основное время он жил в столице. Но иногда ему казалось, что прожитые дни выстраивались один за другим безликими близнецами, окрашенными в однотонный сероватый цвет. Столичный хаос становился невыносимым, и ему начинало казаться, что все вокруг только для того и существует, чтобы утомлять, раздражать, действовать на нервы. И тогда он срочно удалялся в свое «убежище» — так назывался филиал, спроектированный и построенный по его инициативе. Но через несколько дней пребывания там «провинциальная» жизнь надоедала, отсутствие комфорта раздражало, и, не дождавшись дня намеченного отъезда, Крохин мчался на вокзал, откуда меланхоличный «ночник» тащил его по бессонной ночи в обратном направлении. Нет слов: он уставал от двойной жизни и ни в одной не находил покоя.

Незаметно для себя Крохин все же наклонился, и в этот момент поджидавший за стеклом ловко ухватился за нить прерванного разговора:

«Итак, ты утверждаешь, что Лариса не могла поступать подобно тебе».

«Убежден. Это не осталось бы не замеченным для меня».

«И тем не менее».

«У тебя есть доказательства?»

«Изволь. Помнишь, этим летом ты примчался на сутки раньше, а ждать ее возвращения пришлось почти до трех часов ночи?»

«Помню».

«Она явилась с букетом. И, как тебе показалось, была возбуждена и счастлива».

«Лариса сказала, что на выпускном вечере в академии слушатели преподнесли ей цветы».

«А что можно было сказать в ту минуту?»

«Пожалуй, ты прав. Надо срочно забрать ее оттуда».

Продолжение. См. «Огонек» № 26.

«А номер телефона, который ты обнаружил в ее записной книжке с инициалами неизвестного — Г. Ф.?»

«Неизвестный номер?— Крохин покраснел.— Ах, да! Я звонил по нему дважды: один раз вечером, другой— поздно ночью».— Он чувствовал себя крайне неловко в роли ревнильца, гонящегося за женой.

«И что же?»

«Оба раза ответил мужчина. Последний раз голос был сонный, видимо, я разбудил его». «Ай, ай, ай! Это уже мальчишество— будить людей по ночам. Ну и какой вывод из этого следует?»

«Телефон домашний. Мужчина, видимо, одинокий, поскольку все время сам берет трубку».

«А что ты думаешь о конверте с адресом до востребования у нее в сумке?»

«Письма там не было».

«Это само собой. Но зачем замужней женщине ходить на почту, если есть домашний адрес?»

Униженный Крохин промолчал.

«А связка ключей все в той же сумочке от квартиры бабки, или матери, как она ее называет?»

«Она ходила после работы поливать цветы, когда та была в больнице».

«И поздно возвращалась?»

«Не помню, но теперь мне кажется, что поздно».

«Подумай, сколько надо времени, чтобы оросить влагой несколько горшочков с цветами, если, конечно, у ее бабки не ботанический сад на дому».

«Ты думаешь, она устроила там дом свиданий?»

«Не дом, а сад».

Крохин понимал, что тот, на стекле, издевался над ним, но ничего не мог поделать с собой. Внутри все заклокотало, галстук беспощадно сдавил горло. Он замотал головой, пробуя освободиться от мрачных мыслей, но тяжелая цепь подозрений туго охватила шею. «Будет ли когда-нибудь конец этой страшной дороге?» — взмолился он. Кто-то услышал его и пощадил. Свет в проходе неожиданно вспыхнул, поезд заметно снизил скорость, и вагон ожил.

— Опоздываем,— глухо послышалось за спиной.

Все разом засуетились.

Когда состав медленно вполз под крышу пропавшего мазутом вокзала, Крохин уже топтался в тамбуре у открытой двери.

Спрыгнув на бегущую еще землю, он с резвостью, совсем не соответствующей благополучному виду, помчался по перрону, подстигаемый нарастающим гулом выгружающейся из вагонов толпы.

Первое, что попало на глаза на привокзальной площади, это ряд телефонных будок, внутренности которых, словно каменные стены наших пещерных предков, были изрезаны многочисленными надписями и рисунками, отливавшимися, правда, от древних наскальных не только стилем исполнения, но и содержанием. Пальцы судорожно пошарили в карманах, но монетки не оказалось. Крохин подбежал к ближайшему газетному киоску и тут же понял, что был не первым обратившимся сюда за разменом монет.

— Я не меняю, я торгую,— с чувством достоинства осадил его киоскерша, довольная лаконичностью давно заученной фразы.

— Тогда, пожалуйста, два любых журнала и включите в сдачу монетку для телефона.— Крохин положил на прилавок десятирублевую бумажку, нетерпеливо переступая.

«Что это ему так приспичило?» — с любопытством посмотрела продавщица.

Крохин поспешил набрать домашний номер. Автомат подловато причмокнул, сделал вид, что давится посторонним предметом и наконец, проглотив деньги, забыл соединить с абонентом. От отчаяния хотелось резко ударить телефон кулаком, но он оказался так сильно кем-то изуродованным, что Крохин только крепко, как мог, выругался и побежал к стоянке такси.

«Скорее доеду», — подумал он, садясь в машину. Однако на полдороге, увидев телефонную будку, все же попросил водителя остановиться и дать ему монетку.

В деканате долго не отвечали. Наконец запыхавшийся женский голос сообщил: «Лариса Дмитриевна отпросилась по семейным обстоятельствам на четыре дня». Крохин шумно повесил трубку. В висках сильно застучало. Войдя в подъезд, он вызвал лифт, но, не дождавшись, побежал на четвертый этаж. Перед дверью перевел дыхание и несколько раз нажал кнопку звонка. «Что же это я зво-

ню? — спохватился он.— У меня ведь есть ключ». Он соврал сам себе. Про ключ он не забывал, а спешил покончить с мучившими его сомнениями, звонил в надежде, что вот сейчас Лариса откроет дверь, и весь кошмар немедленно отступит в прошлое, останется позади, на лестничной клетке.

Но дверь не дрогнула, продолжая стоять тупой неподвижной преградой между ним и исчезавшей надеждой.

Крохин вынул ключ и попробовал открыть дверь. От нетерпения и волнения руки плохо слушались, и он никак не мог попасть в замочную скважину. Попытался сделать это силой, но безуспешно. Сбывалось самое скверное: Лариса оставила его, что-то узнав. Несомненно, она звонила ночью, чтобы объяснить. Однако, не найдя его в гостинице, решила покинуть дом. Дальше — развод. При мысли об этом по коже словно бы забегали насекомые, вызвавшие чесотку. В первую очередь он подумал о службе: сдержанные улыбки и шепот за спиной. Молчаливое злорадовство врагов и такое же молчаливое сочувствие доброжелателей. А Лариса? Зачем же она заперла дверь так, чтобы он, Крохин, не мог попасть в свою квартиру? И вдруг его ослепила мысль! Она сменила замок, чтобы я не мог распорядиться вещами до раздела имущества по суду. От неожиданности он даже попятился. Как я сразу до этого не додумался. Что за гадость! Вот вам и современная женщина! Стало даже немного легче от сознания, что он теряет что-то далеко не идеальное. Лариса представилась ему стоящей перед грудой вещей, из которой она выуживала один за другим «предметы обихода»: тарелку, блюдо, сиденье от унитаза, рулон туалетной бумаги и, подержав их некоторое время в воздухе, как на аукционе, опускала в одну из двух кучек, приговаривая: «Это тебе, это мне. Это тебе, это мне». Крохин с отчаянием еще раз сильно ткнул ключ, который, не войдя в замок, выскочил из рук и скользнул на пол. Он поднял его и оторопел: в руках был ключ от гостиничного номера, тот самый железный уродец, который стал первым свидетелем начала драмы еще вчера утром. Пытаясь что-то понять, Крохин заглянул в дверное отверстие и отшатнулся. Из замочной скважины, ехидно улыбаясь, подмигнула гостиничная портье. Он с ненавистью швырнул

железного горбуна в пролет лестницы, и тот неуклюже запрыгал вниз по ступенькам.

Войдя в дом, Крохин осмотрел все комнаты. С парализовавшей мыслью «ушла» он к этому времени уже кое-как освоился. Ее вытесняла более земная, но не менее захватывающая: «Что происходило здесь в мое отсутствие?» Теперь он уже не метался как безумный, а ходил по комнатам размеренным шагом, внимательно рассматривал разбросанные предметы и, как следователь, пытался восстановить по ним картину происшествия. Однако, почувствовав в Крохине дилетанта, вещи разбрелись по углам и молчаливо наблюдали за ним оттуда, как показало ему, сильно смущенные от пережитого накануне.

И все же по невидимым траекториям их перемещения у него восстанавливалась картина, как металась в комнатах раненая Лариса, разбитая безжалостным известием о неверности мужа.

«Наступившая накануне оттепель продержалась до вечера,—попытался размышлять Крохин.—После работы Лариса не решилась сразу возвратиться домой и долго бродила по неопрятным улицам, не замечая, как с каждым шагом ноги все глубже погружались в ледяную жижу из песка, соли и мокрого снега». Он услышал отвратительное хлюпанье сапог, брызги из-под которых полетели в его сторону. Он вытер лицо рукой и почувствовал прохладную сырость на ладонях. Ему стало жалко Ларису. «У нее не было сил общаться с кем-либо, и она вынуждена была искать одиночества, которого страшилась в тот миг больше всего. Ближе к полуночи стало заметно холодать, и мороз, сковавший сырые пальцы ног до боли, заставил ее подумать о тепле. Войдя в дом, она поспешила снять обледеневшую обувь».—Крохин взял сапоги и поднес их ближе к свету. Они были сильно перепачканы, но грязь не успела окончательно просохнуть, и кое-где на коже проступали водянистые разводы. «Затем она прошла в спальню,—он проследовал за ней,—и, бросив сумку на кровать, не откидывая покрывало, села ближе к подушке». Озноб, вызванный холодом или напряжением, как мелкая рябь на поверхности воды, распространился по всему телу. Аккуратно сложенная, лежавшая на подушке ночная рубашка говорила о том, что она намеревалась лечь в постель в надежде согреться и заснуть. Но что-то ей помешало. Крохин медленно обошел кровать, внимательно рассматривая разбросанные вокруг предметы. Вдруг он остановился, пораженный своей рассеянностью. На самом видном месте, уткнувшись диском в подушку, мирно дремал телефонный аппарат, шнур от которого, словно крысиный хвост, свешивался с матраса. «Как же я мог забыть про ночной телефонный звонок? Именно отсюда, сидя на этой кровати, поджав под себя ноги, она позвонила в гостиницу. Меня в номере не оказалось, и она решила на разговор с портье». Крохин съезжился, представив, как комментировала его ночное отсутствие убежденная в целебности интриг гостиничная портье. «Положи трубку, Лариса долго сидела в раздумье. О сне не могло быть и речи». Крохин присел на то же место, где сидела она, и тоже задумался. Энтузиазм сыщика, вначале охвативший его, иссякал.

Посидев еще немного в спальне, он встал и прошел на кухню. Первое, что попало ему на глаза, была обычная водочная стопка, стоявшая почему-то на газовой плите. Она была пуста, но Крохин машинально понюхал ее, после чего поставил на место.

Запах валерианки напомнил ему детские годы и покойную мать, которая постоянно скандалила с отцом из-за его систематических выпивок и особенно ожесточалась, когда заставляла на кухне с только что опорожненной стопкой. После длинного монолога на всю квартиру, в котором друг на друга хаотично нагромождались однокоренные слова: выпил, напился, пьяный, запой, она брала ту же стопку и весь остаток дня пила валериановые капли, от которых по всем комнатам разносился слащаво-успокоительный смрад. Совсем маленький Крохин, регулярно наблюдавший эти сцены, был тогда абсолютно уверен, что гнев матери вызывался тем, что отец без спросу пользовался ее стопкой, тогда как в доме за каждым была закреплена персональная чашка.

Воспоминания и знакомый запах несколько примирили Крохина с действительностью.

«А может быть, ничего страшного не произошло?—Мысль эта проникла в голову и там, как воздушный шар, наполняемый воздухом, стала быстро увеличиваться в размерах, вытесняя все остальное.—В конце концов я должен был приехать только завтра. Воспользовавшись этим, она позволила себе не ночевать дома. Поехать к подруге или даже к другому...»—Он поморщился, словно обнаружил во рту вместо леденца болотную улитку. «Конечно, неприятно, но ведь я тоже небезгрешен. Придется мириться. Важно, чтобы она вернулась, а там разберемся». Он попытался набросать монолог, с которым встретит завтра жену. «Естественно, никаких истерик. Так, легкий, немного желчный разговор, обязательно с юмором». Два выражения оказались особенно удачными и вызвали у него улыбку. С мыслью о том, как остроумно и легко он выскажет завтра подгулявшей жене все, что думает по поводу ее сомнительного поступка, Крохин направился в спальню с намерением хорошенько выспаться. «Это же надо, так накрутить себя!»—подумал он, включая свет в гостиную. На мгновение рука задержалась у клавиша выключателя, а затем удар, подобный электрическому разряду, отбросил ее в сторону. На столе под ярким светом электрической лампы покоился лист бумаги с неровно оборванным краем, на котором виднелись несколько слов, написанных рукой Ларисы. Под ними, как бы подводя итог сказанному, лежала ручка жены. Ее он узнал сразу, вспомнив даже, как Лариса держала ее, когда писала: сильно прижимая указательным пальцем к бумаге, отчего ноготь заметно белел. «Какую мысль можно выразить таким ничтожно малым количеством слов? Ничего или что-то очень категоричное, скорее всего недоброе». Перевернутая строка не поддавалась прочтению, а от усилившегося стука в голове написанное стало пульсировать и извиваться, подобно хвосту ящерицы.

Крохин решительно шагнул, схватил лист и не увидев, а услышав прочитанный собственным голосом приговор: «Я ушла к...»

Что-то неведомое, словно пресс, прижало его, оставив лишь расплывчатые контуры того Крохина, каким он представлялся себе еще накануне. Силы покинули, и, с трудом добравшись до кровати, он уткнулся в подушку и, погрузившись в запах бесконечно далекой Ларисы, горько заплакал.

Он плакал о том, что обычно не ценят, пока имеют, но потеряв, очень расстраиваются; плакал от ощущения необратимости случившегося; от жалости к себе — в общем, плакал, как плачут все несправедливо брошенные: долго, громко и самозабвенно. Временами впадал в забытие, и тогда плохо управляемое воображение начинало что-то вроде детской игры в кубики, составляя из реально существующих предметов нереальные картины.

Лариса, словно небесное светило, плавно перемещалась по изогнутому горизонту, то поднимаясь из-за него во весь рост, то погружаясь до плеч. Проходя мимо Крохина, она чуть замедляла шаг, сочувственно улыбалась ему и, вынув ярко-желтый платок, промокала слезящиеся глаза, после чего плавно уходила за горизонт. Этот кусок с небольшими изменениями повторялся много раз до тех пор, пока с другого конца горизонта не появлялась та, с которой он простился накануне. Она двигалась так же плавно в его направлении и тоже улыбалась, но не сочувственно, а скорее снисходительно или даже надменно. От мысли, что они могут встретиться, Крохин энергично замахал руками, давая понять, чтобы та не приближалась к нему. Поняв его жесты, она остановилась, но, прежде чем удалиться за горизонт, презрительно расхохоталась прямо в лицо, так же громко и так же неестественно, как в ту ночь, когда они во время катания вокруг озера вывалились оба в снег. «Чего она так ржет?»—спросила лошадь и, неодобрительно покачав головой, потянула сани из снега. «Господи! Как хорошо, что они не встретились!» Лариса, не замечая соперницы, плавно удалялась за горизонт, кутаясь в бархатный халат с его любимым разрезом, который при каждом шаге раздвигался, обнажая ее прекрасную, затянутую в замшевую кожу ногу.

Он очнулся с ощущением тревоги. «Почему я лежу? Почему бездействую? Надо что-то предпринять, вернуть ее! Конечно, вернуть! Немедленно разыскать, рассказать все честно, просить прощения, умолять — все что угодно, но вернуть! Откуда?»

Крохин повертел в руках записку. «Ни адреса, ни имени. Духу не хватило написать. Побоялась, что я побегу разыскивать, устрою скандал. Кстати, она права, кажется, я созрел и для этого. Вероятно, с каким-то молодым, бородатым холостяком забила куда-нибудь, подальше от меня».

«Бородатый холостяк!»—От неожиданности Крохин сел. Он звонил ему, когда обнаружил в Ларисиной записной книжке телефон с непонятными инициалами. «Несомненно, это он!»

В памяти остались первые цифры окрестной подстанции. «Сейчас позвоню и потребую, чтобы Лариса немедленно возвращалась домой. Где номер его телефона?»—Крохин открыл Ларисину сумку, лежавшую рядом, и запустил в нее сразу обе руки, дрожащие от нетерпения. Он долго манипулировал ими в сумке. В зависимости от того, что попадалось, глаза его то туманились, то просветлялись.

Но дамские сумки тем и примечательны, что в отличие от их великолепных хозяек, прекрасных своей неповторимостью, удивительно похожи одна на другую в первую очередь царящим в них беспорядком. Он вывалил содержимое на кровать, но в пестрой грудке записной книжки не было. К счастью, он тут же вспомнил, что еще тогда записал номер на клочке бумаги, который спрятал в одну из книг. Сняв с полки один за другим несколько томов, он крепко потряс их над столом.

Голос в трубке нельзя было спутать ни с каким другим: такой же сонный и неприветливый, как в прошлый раз.

— Передайте, пожалуйста, трубку Ларисе,—холодно процедила Крохин.

— Что?—по тембру было ясно, что человек застигнут врасплох.

Это обрадовало.

— Во избежание скандала я требую, чтобы вы немедленно передали трубку Ларисе.

— А вы знаете, который час?

— Телефон, по которому узнают время, мне известен.—Ум Крохина обострился до предела, и это почувствовали на другом конце провода, откуда через закрытую ладонь трубку доносились произнесенные шепотом отдельные слова. Смысл понять было невозможно, но в том, что там что-то обсуждали, сомнений быть не могло.

— Перестаньте шептаться и передайте трубку Ларисе.

— У меня нет никакой Ларисы,—уже менее уверенно ответил голос.

— Вы совратили женщину, так хоть наберитесь мужества ответить за свой поступок!

— Будите меня ночью и вместо того, чтобы извиниться, говорите мне гадости. Послушайте, как вас...

— Моя фамилия Крохин, между прочим, такая же, как и у женщины, с которой вы только что перешептывались. Не напрягайтесь чрезмерно, совпадение фамилий не случайно: эта женщина моя жена! Вам понятно?

— Понятно.—Голос прозвучал неожиданно грустно.—Мне даже понятно, почему она ушла от вас.

— Почему?—сорвалось у Крохина.

— Потому, что женщины предпочитают мужчин, а тряпка — женского рода.

Крохину показалось, что его отстегали крапивою по ушам. Задыхаясь от унижения, он прокричал в трубку:

— Если я тряпка, то вы бородатый боров! Обе стороны израсходовали достаточно сил, чтобы устроить передышку.

— Послушайте, Крохин, во-первых, у меня никогда не было бороды, во-вторых, мне жаль вас, а в-третьих...

Сказанное по третьему пункту содержало минимум информации, не отличалось изысканностью и не было идеально с точки зрения литературы. Но подбор слов был настолько удачен и произнесены они были с таким вдохновением, что, положив трубку, Крохин облегченно вздохнул — Ларисы там не было.

Окончание следует.

НЕ ПРОСТО ГОРОД, А МОСКВА

У городов, как и у людей,—и судьбы и характеры. Из них и складываются биографии. Сказать, что Москва к своему сегодняшнему дню шла легко и безоблачно, значит забыть о том, что пережил и повидал на своем долгом веку наш город. Всяко бывало, не в одночасье Москва строилась. И невзгоды ей выпадали, но гордо она стояла перед ними, не склонив головы; да и других в обиду не давала, потому что Москва — столица; одна она на всех нас...

И об этом, о всенародной любви к Москве автор тоже пишет. Пишет деловито, обстоятельно, строго документированно. Книга ведет нас по ступеням истории от первого упоминания о городе — к свершениям нашего времени. Рассказывая о том, как был задуман и как возник город, книга показывает уникальные планы старой Москвы, позволяет с давней гравюры увидеть наш Кремль, и мы радуемся тому, что узнали

его. Как известно, от Кремля начинается Москва...

Конечно, книга прежде всего о Москве сегодняшней, и в этом ее очевидное достоинство. Но бережное отношение к истории великого города, к ее вкраплениям в нынешний облик столицы нужно нам еще и от крепнущего год от года сознания: история не только укрепляет связь с прошлым, но и придает современности основательность; учитывая прошлое, легче идти в будущее...

Историческая ретроспекция не уводит читателя в архивную дачность, а показывает неразрывность — и во времени да и в пространстве. Я смотрю на эскизный рисунок (и предлагаю то же сделать читателю) реконструкции Старого Арбата и ищу в нем то, за что любят эту улицу коренные москвичи. Ищу и нахожу — сохранен дух Арбата, его неповторимость. Значит, он, Арбат, принадлежит истории и нашим современникам в равной мере!

Автор идет по городу не сторонним наблюдателем, он ведет рассказ не понаслышке, а из пер-

вых уст, как говорится. А я бы сказал, и из первых рук, потому что с именем автора связано немало добрых преобразований, которые пришли в столицу.

Проследившая становление Москвы социалистической, решительно настроенной на то, чтобы быть еще краше, еще удобнее, еще приветливее, книга раскрывает понятие современности применительно к большому городу. Ведь нынешнее городское хозяйство многообразно настолько, что в нем необходимы знания и умения представителей самых передовых наук; это, впрочем, и понятно.

Перед читателями проходят основные вехи генеральных планов развития столицы, которые уже претворились в тысячи домов, десятки магистралей, в уникальные сооружения, в новые микрорайоны и кварталы...

Надо ли пересказывать книгу? К тому же я пишу не рецензию; эти строки — первое впечатление от заметной, интересной работы. Но они не претендуют ни на анализ книги, ни на полноту отзыва о ней...

И я раскрываю книгу и читаю рассказ о таком принципиальном новшестве, как мощные скоростные автодороги, которые, как пишет автор, в обход центра пересекут столицу с севера на юг и с запада на восток. «Городские скоростные дороги — это совершенно новые магистрали», — замечает автор. И хоть новы такие дороги, но они, думаю, «впишутся» в город потому еще, что масштабность проектов и свершений характерна для столицы.

...Книга вышла и попала к читателю, а жизнь уже дописывает ее. И это тоже хорошо, потому что город не может застыть в своем развитии. Не такой у Москвы характер!

К. БАРЫКИН

литературные заметки

Зигмунд ХИРЕН

Выйдя в конце июня 1942 года из самолета, доставившего меня на Северный Кавказ, я буквально ввергся в настоящий ад, ничем не отличавшийся от того, что все мы пережили летом 1941 года на Западном нашем фронте. Разве что рельеф местности был тут другой: горы, море, ущелья, пропасти, быстрые горные ручьи, наконец, утонувшие в снежных сугробах перевалы, куда в мирное время удавалось забираться лишь соответственно экипированным смелым, сильным, тренированными спортсменам, которых мы и с гордостью и с завистью величали: альпинисты!

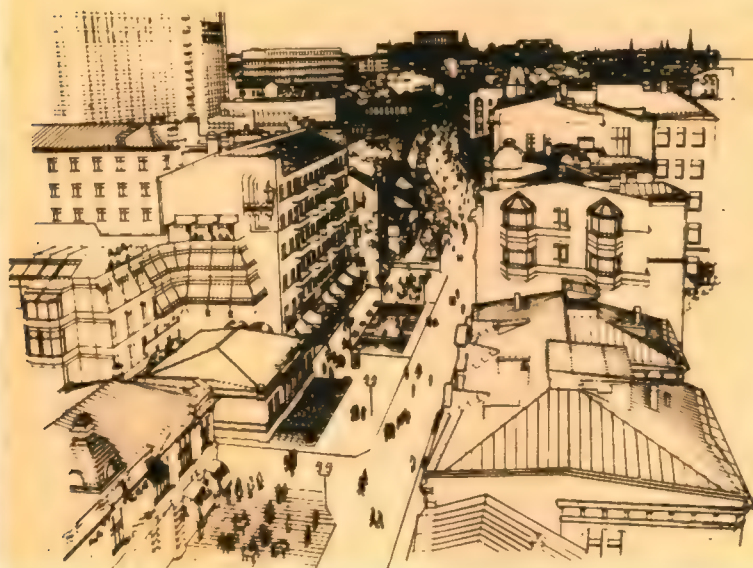
«Есть в военной терминологии,— пишет в самом начале второй части своей документальной повести «Полководец», посвященной битве за Кавказ, Владимир Карпов,— торжественное, на мой взгляд, определение — театр военных действий. Это, увы, совсем не то, что возникает по ассоциации со словом «театр». На этом театре никто и ничего не играет, здесь воюют и умирают по-настоящему... Когда я учился в военной академии, в расписаниях в дни лекций по этому предмету сокращенно писали три буквы — ТВД».

Эти литературные заметки я начинаю несколько необычно, можно сказать, с личных воспоминаний, но в том, смею заверить, целиком вина автора «Полководца». Счастливым пером у этого писателя! Он делает нас как бы соучастниками, сопереживателями всего того, о чем пишет. «Не знаю, много или мало одной пылкой преданности для того, чтобы считать себя не только связанным, но и близким к замечательному человеку», — советует с нами Карпов. Свое произведение, как уже указывалось в статье о первой части повести (см. «Огонек» № 48, 1983 г.), писатель посвятил генералу армии Герою Советского Союза Ивану Ефимовичу Петрову. Рассказывая о полководце, автор, памятуя толстовское напутствие, вникает в движение сотен тысяч людей, принимавших прямое, непосредственное участие в событиях...

Вернусь к ТВД. Да, воевали, да, умирали, но и играли, причем тоже по-настоящему.

Казалось, выше уже не подняться. Дорога шла все время вверх, тропы сузились настолько, что проползти по ним было невозможно. Цепляясь за камни, пообломали ногти, исцарапали лица о шипы и колючки кустарников, повисали над пропастью, а надо было подниматься все выше и выше. Потом начались туманы, пошел сильный дождь, сменявшийся стремительнейшим снегопадом. И вдруг музыка: духовой оркестр, канной-то старинный вальс. Музыка тут оказалась более странной, чем снег рядом со зноем Черноморского побережья. Радио, что ли? За громадным валуном блеснули большие медные трубы. В полном составе полковой духовой оркестр. Как очутился на склонах Главного Кавказского хребта, содрогавшегося в

Владимир Карпов. Полководец. Часть вторая. «Новый мир» №№ 11, 12, 1983.

Выбор героя

тот момент от гула орудий, треска пулеметов, разрывов мин и авиационных бомб? Некоторые солдаты, как скоро я выяснил, сердились: тут и без музыки весело... Взяли бы вместо труб да барабанов побольше боеприпасов. Но музыканты не только играли — выносили раненых, перевязывали, доставляли патроны, сами, когда требовалось, ложились на место выбывших из строя пулеметчиков. Но в конце концов все кончалось музыкой. Играли! Играли вальсы, марши, популярные солдатские песни... Описал я, тогда военный корреспондент «Красной звезды», увиденное и услышанное и отправил по боду в Москву в свою редакцию. Все мои материалы на Кавказе обычно публиковались незамедлительно, а этот застрял, напечатать, но с задержкой, а когда позднее спросили, ответили: «ТВД,— добавив:— Война не место для музицирования, не консерватория!»

Неисчерпаемы запасы тем, ситуаций, обстоятельств военного времени, но вот увидел на одной из страниц повести «Полководец» таблицу цифр, ничем внешне от бухгалтерского отчета не отличающуюся. «Итак,— пишет Карпов,— в таблице цифры показывают проценты к общей численности сил и средств действующей армии того времени, распределенной на 1 июля 1942 года по стратегическим направлениям...» Далее Карпов перечисляет в таблице направления советско-германского фронта, общевойсковые армии, действующие на каждом из них, дивизии, орудия и минометы, танки, боевые самолеты, наконец, личный состав.

По карповской таблице в тот момент под Москвой находилось больше половины всей Советской Армии, танков почти 80 процентов, самолетов — 62 процента. На Кавказе же — 5,4 процента из числа всех наших дивизий, а танков — 2,9 процента. Между тем именно на Кавказ Гитлер направил тогда свои главные силы. «Канями же героями надо было быть нашим солдатам и офицерам,— пишет Карпов,— и канье невероятные трудности пришлось преодолеть командованию на Кавказе, чтобы выстоять при таком потрясающем несоответствии в соотношении сил... Гитлер хотел одним мощным ударом на Кавказе завершить разгром Советской страны и продолжить агрессивные действия на Востоке — в Иране, Ираке, Индии — и Африке».

В то время как нам была просто навязана горная война, фашисты бросили на Кавказ дивизию «Эдельвейс», постоянно тренировавшуюся до начала войны в горах Швейцарии, во Французских Альпах... «Их называли ласково,— сообщает нам Карпов,— снежными барсами». Фотографии «снежных барсов» печатали на обложках журналов. Именно они, барсы, должны были, завладев перевалами, открыть гитлеровцам путь на Грозный, Баму, а затем, завладев Тбилиси, двинуться, как уже указывалось, к Персидскому заливу...»

Карпов показывает нам полководца с внешней стороны, довольно скупо. «Сам Петров день и ночь носился на своем «виллисе». В порывавшей старой кожаной куртке, полевой фуражке, в разбитых постоянной ходьбой сапогах он, увязая в раскисшей от дождей земле, ходил и ходил по берегу пролива. Было холодно, дул пронизывающий до костей ледяной ветер. Над морем слался рыхлый туман...»

А вот о чем в этот момент думает «противник Петрова». «Гитлер, видя героизм и мужество советских воинов,— пишет Карпов,— в глубине души уже боялся их и понимал: если так пойдет и дальше, то силу сопротивления советских людей не одолеть. Вот почему

в беседах со своим окружением он говорил: зачем вступать в бой с советскими танкистами, с советскими летчиками, так героически сражающимися? Когда у них не будет горючего, то и танки и самолеты можно будет собирать, как пустые консервные банки! Ну а те, кто на них воевал, без горючего останутся просто беспомощными... С этого дня он решил лично руководить всеми операциями на Восточном фронте и особенно здесь, на юге, то есть добиться осуществления своей заветной цели — захватить источники нефти на Кавказе». А в то время 95 процентов нефти страны добывалось именно там, на Кавказе.

Вот уже десять лет Карпов совершает глубокий рейд по следам генерала Петрова. «Битва за Кавказ похоронила самый далеко идущий и самый выношенный личный план Гитлера. Не случайно он принял на себя руководство всеми сухопутными войсками именно в этой операции на Кавказе»,— пишет Карпов, тем самым подчеркивая, военные задачи какого масштаба стояли перед полководцем Петровым. С гордостью сообщает нам писатель, что министр обороны Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов назвал героя повести И. Е. Петрова в ряду с выдающимися, прославленными советскими полководцами Г. К. Жуковым (к слову, впечатляюще Карпов изобразил в повести приезд Жукова на Кавказ), А. М. Василевским, И. Х. Баграмяном, Л. А. Говоровым, И. С. Коневым, Р. Я. Малиновским, К. К. Рокоссовским, Н. Г. Кузнецовым, И. Д. Черняховским и другими.

К этому есть все основания добавить, что и писать о реально существовавшем военачальнике, командовавшем Северокавказским фронтом, подчиненном непосредственно Верховному,— дело чрезвычайно трудное, сложное, в особенности если принять во внимание, что автор на фронте ни разу с Петровым не встречался и книга писалась, когда того уже не было в живых. Надо сказать о характере героя повести. Ведь пока мы коснулись чисто военных обстоятельств. Не был Петров расположен пускаться в воспоминания и не был поклонником мемуаров. Правда, известен единственный случай, когда Петров согласился на сеансы со стенографисткой. Подбил его Константин Симонов, случайно оказавшийся в Ташкенте, когда Петров командовал Туркестанским округом. Кончился симоновский опыт довольно печально. Неожиданно писателя срочно вызвали в Москву, и он оставил у генерала своим «полпредом» стенографистку. Однажды Петров спросил, много ли та успела записать, расшифровала ли и нельзя ли ему, Петрову, почитать. На следующий день стенографистка явилась в штаб с громадной палкой перепечатанных стенограмм. Генерал, оставив материалы у себя, обещал в течение недели прочитать. И вот вновь стенографистка у генерала, и он протягивает ей сиротскую стопочку страничек в десять—пятнадцать, не более. «Как!»— ах-

нула стенографистка. «Остальное лишнее»,— спокойно ответил Петров.

Что и говорить, выбор героя повести был сделан Карповым смело. Тут надо сказать, что их судьбы во многом схожи, и не только схожи, а переплелись при самых трагических обстоятельствах, о которых, к слову, Карпов со свойственной ему бесстрашной открытостью рассказывает на страницах повести, честно и обстоятельно. Своим воспоминаниям на эту тему предпослал он такие строчки: «Здесь читатели опять встретятся с проблемой, давно решенной на XX съезде КПСС. Но я пишу об этом не для того, чтобы ворошить старые дела и высказывать обиды. Просто этот факт был в моей биографии, и, как говорится, из песни слова не выкинешь, тем более что все это имело прямое отношение и к Петрову...»

Вообще повесть написана, я бы сказал, в нескольких планах. Карпов поднимает громадные пласты, ныне хоть и принадлежащие истории, но справедливо воспринимаемые как истинные открытия. В своих поисках Карпов неутомим. Для уточнения малейшей детали поднимается на «По-2» высоко в горы, летит между хребтами того самого Главного Кавказского, чтоб увидеть человека, сражавшегося под командованием Петрова. Заболев и оказавшись в военном госпитале, Карпов обнаруживает, что в соседней палате лежит генерал, под чьим командованием, в свою очередь, сражался Петров, и, выбрав момент, когда генерала немного отпустили страдания проклятой хвори, уже расспрашивает его о какой-то оставшейся для книги неясности. На войне Карпов был полковым разведчиком, его величали «охотником за языками». Счет на них у него астрономический. Карпов прошел путь от рядового до гвардии полковника, награжден всеми боевыми наградами, доступными солдату и фронтовому лейтенанту, начиная от медали «За боевые заслуги» и кончая званием Героя Советского Союза.

Наряду с описанием самой битвы за Кавказ писатель посвящает нас во все профессиональные тонкости своей литературной работы. Мы присутствуем во время нынешних его бесед с ветеранами, и мимо нашего внимания не проходит их доверие к писателю, стремление вооружить его наиболее яркими, интересными фактами. Это тоже один из планов повести, его можно условно назвать «Собеседники».

Карпов не упустил в беседах всего, связанного с союзниками и их умышленной затянкой второго фронта, который нынешняя американская администрация старается вопреки здравому смыслу изобразить как решающий шаг в победе над германским фашизмом. Вот один маленький штришок из этой области. В августе 1942 года, в период, как уже указывалось, напряженнейшей битвы в предгорьях Кавказа, в Москву прилетел Черчилль. Как установил Карпов,

впоследствии Черчилль об этом приезде написал: «Я размышлял о моей миссии в это угрюмое, зловещее, большевистское государство, которое я когда-то так настойчиво пытался задушить при его рождении и которое вплоть до появления Гитлера я считал смертельным врагом цивилизованной свободы. Что должен был я сказать им теперь? Генерал Уэйвелл, у которого были литературные способности, суммировал все это в стихотворении, которое он показал мне накануне вечером. В нем было несколько четверостиший, и последняя строка каждого из них звучала: «Не будет второго фронта в 1942 году». Это было все равно, что взвести большой кусок льда на Северный полюс».

Тут, возможно, уместно дополнить и Карпова и Черчилля. Был генерал Уэйвелл главнокомандующим английскими войсками в Африке. Ровно за месяц до нападения Гитлера на Советский Союз у нас опубликовали перевод лекции Уэйвелла о полководцах, где Уэйвелл отозвался о нашем Суворове как о русском гении. Уэйвелл в царское время был военным атташе у нас на Кавказе и, может быть, в тех самых местах, где в 1942 году воевал Петров. Как знаток горной войны, царь награждал Уэйвелла двумя орденами. В упоминаемой тут лекции Уэйвелл утверждал, что никакая битва не проиграна, пока от нее не отказался сам полководец. В своем дневнике фронтового корреспондента я недавно обнаружил запись, сделанную 11 ноября 1941 года под Волоколамском о танковой бригаде Катукоса: «На фронте появилась дивизия из состава экспедиционного корпуса немцев в Африке. Их танки окрашены в ядовито-желтый цвет пустыни, песков... Катукосские десантники уже поймали «африканского танкиста», тот говорит, что дивизия сражалась в Ливии против англичан, а сейчас вот послали их брать Москву». Без труда установил ныне, что «гитлеровский африканец» прискакал к нам в Подмосквовье из района дислокации войск Уэйвелла, значит, не очень-то позд докучал в Африке фашистам. Но не в том дело. С рефреном в стихах, прочитанным им своему патрону в виде, так сказать, поощения, Уэйвелл прогнозировал провал Кавказской операции, из которой вышел победителем герой повести Владимира Карпова советский полководец Иван Ефимович Петров.

В заключение вернусь к ТВД. «Думаю,— пишет Карпов,— что даже и без карты многие представят себе этот театр военных действий, потому что не раз, наверное, ездили отдыхать на Кавказ... Да простят меня военные за подобный способ ориентирования, но книгу ведь будут читать и штатские и, надеюсь, юноши, еще не служившие в армии. Им сейчас очень трудно представить, что на склонах Главного Кавказского хребта, обращенных к Черному морю, находились гитлеровцы и в бинокли разглядывали санатории и пляжи, но что поделаешь — так было». Будь на то моя воля, снабдил бы вокзальные книжные и газетные киоски, начиная, допустим, от Ростова до Сухума, наряду с цветными видами Кавказа туристскими путеводителями, книгой «Полководец» Владимира Карпова, пусть в часы досуга прочитают, чего стоила их героическим славыным отцам и дедам нынешняя путевка в санаторий. Этого достойная талантливая книга писателя и глубокого исследователя Великой Отечественной войны Владимира Васильевича Карпова.

Красота камня, дерева, глины

И. МИХЕЕВА

«...Литовское народное искусство... наша гордость, и красота, в нем заключенная, ни с чем не сравнима и исключительно национальна», — писал гениальный композитор и художник Микалоюс Чюрлёнис. Эти слова могут стать девизом единственного в Советском Союзе Общества народного искусства, которое создано и работает в Литовской ССР.

**ГОРИ, О СЕРДЦЕ!
ТЫ ДОЛЖНО ГОРЕТЬ...**

Аблинга. На второй день войны фашисты сожгли эту литовскую деревню и уничтожили жителей. Уничтожили мужчин и женщин, стариков и детей, уничтожили тех, кто еще только должен был появиться на свет. Лишь несколько человек чудом остались в живых.

— Память о погибших в войну священна, — говорит председатель Общества заместитель министра культуры Литовской ССР Ионас Ионович Глямжа. — И вот тридцать один год спустя под Клайпеду на творческие сборы съехались со всей республики народные мастера — рабочие, колхозники, педагоги, инженеры. А до этого народный мастер В. Майорас, краеведы восстанавливали биографии погибших, искали их фотографии. Окрестные колхозы привезли могучие стволы дубов.

Три недели самоотверженно работали художники. Тридцать дубовых резных столбов установили на холме Жвагинис. И будто ожили неразлучные друзья, погибшие в первые дни войны, — Пятрис Жакинис и Антанас Саусярис, трудолюбивый Юозас Жебраускас, жених и невеста Ионас Бенюшис и Барбора Луожите, молодые семьи Ионуковос и Мартинкусов, ожидавшие первенцев, Марцеле Жебраускаене со своими детьми... Ожили, как бы говоря:

Гори, о сердце! Ты должно
гореть,
Чтоб не сжигали никогда
людей...

А через шесть лет скульпторы, кузнецы съехались снова — теперь уже в Рокишкский район. Здесь во время войны действовало партизанское соединение, которым руководил коммунист Антанас Рагуотис, отметивший семидесятилетие. А комсоргом одной из групп партизанского отряда был П. Гришкавичус, ныне первый секретарь ЦК Компартии Литвы.

В сорок четвертом году фашисты уничтожили деревню Милюнай, — ее жители помогали партизанам. Народные мастера приехали сюда во время очередного отпуска, многие — с женами и детьми. Жили в местной школе. И опять работали от зари до зари. Плоды их труда — скульптуры, вырубленные из дерева: партиза-

Народный скульптор В. Улявичус.

Фото С. Шимкуса

ны, парашютисты, командир, колхозники. Все они как бы говорят: жизнь продолжается... Недалеко от мемориала выросла новая деревня Милюнай, а на гранитном памятнике высечены имена погибших. И каждое лето собираются здесь партизаны.

Нынешним летом сбор народных мастеров намечен под Вильнюсом: появятся скульптуры на военном кладбище, где захоронено около ста советских солдат. Работы закончат к сорокалетию Победы.

Творческие сборы народных художников — членов Общества — стали традицией. Деревянные скульптуры, установленные по «Дороге Чюрлёниса» — из Варены, где он родился, до города

детства Друскининкай, — подарок мастеров к столетию со дня рождения. А дети получили городок сказок и легенд в Юодкранте, игровые площадки во многих колхозах...

СУНДУКИ СТАПУЛЕНЕНЕ

Колхозу «Свободная земля» в Биржайском районе есть чем гордиться. Живут зажиточно. Председателем четверть века Пятрас Пошкус, хозяин рачительный и знающий, имеющий два образования — агрономическое и экономическое. Много в колхозе молодежи, причем с высшим образованием более двадцати человек. Не пожалели миллиона рублей на восстановление Дом

культуры, где постоянно проходят выставки профессиональных и народных художников.

И есть в Доме культуры специальный зал, отведенный работам здешней жительницы — ткачихи Брониславы Стапуленене. Ткацкий станок у окна. Рядом сундук с изделиями ткачихи. Такой сундук заполняла обычно каждая невеста перед замужеством. И умение ткать имело решающее значение при выборе невесты. А сколько сундуков приготовила Бронислава — не счесть.

На стендах ковры, полотенца, покрывала, занавеси — ее работа. И еще юсты — ленты, красочные, пестрые. Ими подвязывали юбки, рубахи, пеленали младенцев, с ними провожали в последний путь.

Ткать Бронислава начала очень рано, и первой ее учительницей была мать. Позже изучала книги о ткачестве, училась у природы и в результате приобрела самобытный почерк, обогатив национальный орнамент. Работы ее сдержанны, но очень выразительны. Она умеет видеть материал, умеет подчеркнуть его красоту. Нитки, льняные и шерстяные, красит сама натуральными растительными красками: зверобоем, березовыми почками, корой дуба — так, как делали и сто лет назад.

...Живет в далеком колхозе мастерица, в местах, где родилась ее предки, где она сама выросла, а ее работы путешествуют по всему миру. Ими любовались в Венгрии, Греции, Польше, Чехословакии, Югославии. Скоро увидят их в Индии.

КОРОНОВАННЫЙ ГОНЧАР

Первую выставку профессионального и народного искусства в Литве организовал в 1907 году М. Чюрлёнис. Теперешние ярмарки, дни ремесел отличаются размахом, многолюдьем. В их организации участвует Общество народного искусства. Со всей республики съезжаются на праздник мастера, самодеятельные ансамбли и просто зрители. Работают на виду у всех ткачихи, гончары, вязальщицы — демонстрируют мастерство, делятся секретами. Победителям конкурсов вручают венки, медали. И даже короны: в семьдесят девятом году коронной «гончара гончаров» увенчали Бронис Радецкаса из Куршеналя.

Из Куршеналя и семья Вертелей: Ионас, его жена Ядвига, сын — гончары уже в третьем поколении. Их кувшины, вазы отличаются красивым национальным декором, они радостны и нарядны.

Сколько же нужно уметь гончару! Да вот, например, как тщательно надо глину пропустить через свои руки: не заметишь маленький камешек — и ваза идет в брак. Когда обжигаешь изделия, необходимо следить, как влияет на глину температура. На

Так сооружался мемориал Милюнай.

Фото А. Пилвялиса

глазури отражается даже малое колебание пламени.

...Издавна гончары работают династиями. Крутит гончарный круг Бронис Радецкас, и рождается чудо — стройная, изящная ваза. Бронислава, его жена, скатывает тонкий жгут, и появляются на вазе цветы — лепной орнамент. На полках в мастерской сохнут свистильники, корзины, вазы. Потом Бронис обожжет их в печи — это мужское дело, — покроет глазурию... И повезут их в Москву, в Ленинград, Сибирь...

— Многие народные мастера — и Вертелей и Стапуленене — лауреаты премии Министерства культуры Литовской ССР. А Радецкас получил медаль из Германской Демократической Республики, — рассказывает заместитель председателя Общества народного искусства Ионас Килшаускас.

КАПЛЯ БАЛТИКИ

Забавных керамических зверьков — улыбающихся, доброжелательных — Рамунас сделал в то время, когда занимался во Дворце пионеров и был юным участником ВДНХ. Сейчас он учится в художественном техникуме. Дар художника у паренька наследственный: Вильгельмина Курклете-не, его мать, — народный мастер по янтарию.

Она смачивает камень, темный, невидный, потом начинает обтачивать твердой шкуркой, затем мягкой, шлифует специальной пастой.

— Необработанный янтарь может показаться невзрачным тому, кто далек от нашего дела. Поэтому нужно его увидеть, — рассказывает Вильгельмина. — А это так интересно! Сколько операций приходится проделывать прежде, чем янтарь засияет сочетанием тонов, откроет свою красоту.

Издавна народные умельцы вытачивали из янтара «свой сон, мечту, свою песню». С пожеланиями счастья, в знак доброго расположения дарят в Литве янтарь — «каплю Балтики».

Две тысячи четыреста мастеров — члены Общества народного искусства Литовской ССР. Многие их работы имеют подлинно художественную ценность: они единственны в своем роде.

Сотни мастеров. И каждый вносит что-то свое, сохраняя народные традиции. Ложки Варгонаса из Шяуляя особенные, их узнаешь сразу: и традиционные, для каждодневного пользования, и выставочные, с резными ручками.

Возрождаются в Литве и забытые ремесла.

Юлия Даниляускене — мастер по художественной вырезке из бумаги, забытой в начале века. Она стала вырезать, чтобы как-то занять детей. Но скучно было повторять старое, и она старалась придумать что-то свое, подсмотреть у природы, которую очень любит. Самая близкая ей тема — деревья и птицы. И уже четверть века участвует в выставках Даниляускене. Она частый гость в школах, где делится секретами мастерства, учит ребят... Кстати, многие народные мастера ведут кружки в школах.

С большой любовью в республике берегают, лелеют народное искусство, его многонациональные традиции.

Николай САВОСТИН

Посадил отец меня на лошадь,
Я еще едва умел ходить.
Удивилась сивка: что за ноша? —
И внезапно проявила прыть.

Солнце из-под ног, казалось, било,
Понеслась земля над головой.
Мать в испуге так заголосила,
Будто я уже и неживой.

Целый день трудившийся
на пашне,
Батя,
плуг свой под навес таща,
Удивленный паникой зряшной,
Улыбнулся:
— Ничего, пуцай...

Ухнул я на землю, веткой сбитый,
До чего ж тверда земля —
как кость.
Замерло у самых глаз копыто,
Сердце на мгновение зашлось.

Но, гонимый жаждой небывалой,
Я поднялся, чтоб коня поймать,
Чтоб еще... Мне мало, мало, мало...
Вот когда заплакала ты, мать...

Горстка домиков под черепицей
Среди зелени у крутояра
С долгоногой задумчивой птицей
Над гнездом на акации старой.

Уголок незнакомого быта,
Удаленный под хвойные кроны, —
Сено пленкой от влаги укрыто,
Огородики врезаны в склоны.

Прикарпатские рыжие крыши,
Дикий камень, резные ограды,
Темнокрылые сосны — повыше,
В тишине ровный гул водопада.

Почему-то расстаться не хочет
Память с этим углом незнакомым.
Как, должно быть, покойно среди
ночи
Слышать гул водопада за домом...

Я учусь с колыбели
И пока не умру
У весенней капели,
У листьев на ветру,

У рассветного буйства
Соловьиных рулад
Там, где заросли густо
Сводят рошу и сад.

Радуг звонкие своды,
Петли сельских дорог,
Речек вешние воды
Преподносят урок.

Я учусь и у вьюги,
У дождя, у ручья...

Строчка просится в руки.
Чья ты? Чья?
А ничья...

РАССКАЗ СТАРОГО ДРУГА

Трудились на лесоповале,
На Северном где-то Урале,
В морозы военной зимы:
Сказали, когда призывали,
Что будем на фронте и мы.

Какие мы брали нагрузки,
Ворочая на лесоспуске!
Не гасла рабочая прыть.
А мы, бессарабцы, по-русски
Учились тогда говорить.

И тут, разгоняя невзгоды,
Тургенева «Вешние воды»
Попались — истерзанный том.
Урывками, чуть не полгода
По-русски читал я с трудом.

Я так уставал, что, бывало,
Упав на свое одеяло,
Не мог шевельнуться подчас.
А книга меня поднимала
И благоухала, лучась.

К морозам, к снегам по колена
Я стал привыкать постепенно,
Привык ожидать этот срок,
Когда приложусь после смены
К потоку светящихся строк...

Чуть встанешь — на ватнике иней.
Душа же на стуже не стынет.
В работе почти натошак...
Боюсь перечитывать ныне:
А вдруг там не то и не так?..

От засухи черные пыльные бури
Достигнут в порыве вершины
седой,
И снег, припорошенный
на верхотуре,
Растает, чтоб вниз устремиться
водой.

Диктуют блистающим в небе
высшам
Низины, когда подпирает беда.
Как вольно,
рассеяв былую дремоту,
Ревет и бурлит, низвергаясь, вода.

ЛОШАДИ

С грустью я гляжу на карусель
Детской
среди зелени
площадки,

Где и при загрузке всей
бегает без седоков лошади.

Но полны машины ребятней,
Но сверх норм оседланы ракеты.
Что тут скажешь?

Видно, век такой,

Летний вечер

Лошаденок песенка, брат, спета.
Но ведь конь!

Тепло его ноздрей,
Пониманье, ласка, запах пота.
Ты упал, и конь умрет скорей,
Чем покинет...

Потеряли что-то.

В детстве же привычно было мне
Запрягать, верхом в ночное
ездить,
Засыпая, видеть в вышине
Профили коней среди созвездий.

Сладостно,
хоть не об этом речь,
Было моему скупому детству
Сахару кусочек приберечь
Лошади,
не транспортному средству...

В РАЗДУМЬЯХ О ТВАРДОВСКОМ

О любви —
строчки нет:
В грохоте и дыме
Вроде этот предмет
Чересчур интимен.

Был не то что стыдлив —
Миссия такая:
Жизни главный мотив
Вел, не упуская.

Не вздымал к небесам
Со слезою взора,
О любви не писал
Ни всерьез, ни вздора.

Но сходило с пера
На простор бумаги
Столько света, добра,
Мудрости, отваги.

И смягчилась беда
Шуткой и присловьем.
Не писал никогда —
Просто жил любовью.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Идет, напевая, по стежке,
Домой загоня пеструху.
Две вишенки вместо сережки
Алеют под ухом.

Шла с поля для новой заботы —
Хозяйство, детишки, корова.
Мужик отворяет ворота,
Двор убран толково.

И сложено сено в сарае —
Привез...

И не выпил! Смотри ты...
Была ведь работа такая.
И дети умыты.

Летает, хотя и устала.
Улыбкой все в доме согрето.
Под ухом две вишенки алых —
Две капельки лета...

Кишинев.

КРАЖА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

С. ЛОСЕВ,
В. ПЕТРУСЕНКО

В БЕЛОМ ДОМЕ

Итак, в итоговом докладе министерства юстиции о «расследовании» кражи документов правительства Картера, в частности, говорится: «Хотя все до единого следы были проверены до самого конца, в ходе расследования не удалось установить точно, как именно произошла передача ориентировочных материалов, подготовленных для президента Картера. Вместе с тем расследование не выявило никаких достоверных доказательств того, что передача материалов явилась нарушением каких-либо норм уголовного права».

В докладе содержатся следующие утверждения: «Единственными подготовленными для Картера к дебатам материалами, которыми, как установило следствие, располагали сторонники Рейгана до начала этих дебатов, были фотокопии с многочисленными пометками черновика внешнеполитической части ориентирующих материалов к дебатам. Среди официальных лиц, принимавших участие в предвыборной кампании Рейгана, не выявлено какого бы то ни было заговора в целях добычи ориентирующих материалов, подготовленных для Картера к дебатам».

Наконец, обращает на себя внимание заключительная часть доклада, доказывающая якобы неприменимость опасного для злоумышленников закона ко всей этой истории: «По получении какой-либо конкретной информации о нарушении федерального закона тем или иным официальным лицом министр юстиции согласно Закону об этике в правительстве обязан проводить предварительное расследование. В данном случае, хотя несколько должностных лиц, на которых распространяется этот закон, либо знали о существовании ориентирующих материалов, либо имели к ним доступ, нет никакой конкретной достоверной информации о том, что кто-либо из них или из должностных лиц, на которых этот закон не распространяется, нарушил федеральный закон».

Таковы отдельные положения юридического творения, которого с нетерпением ждали все в Вашингтоне. Участники «рейгангейта» радостно обнимались, дружно пили виски, поднимая бокалы за главу ФБР Узбстера и министра юстиции Смита.

Доклад составлен ловко, комар носа не подточит. Но уже первый абзац — «не удалось установить точно, как именно произошла передача ориентирующих материалов» Картера — косвенное свидетельство неполноты следствия.

Обращаясь к творению министерства юстиции, следует видеть его главную цель, подчеркнутую американской газетой «Интернэшнл геральд трибюн»; она писала, что это «мертвый конец» всему делу.

За бортом доклада осталось много вопросов без ответа. Какова, например, была механика добывания Уильямом Кейси конфиденциальных бумаг? Расследовалось особо чувствительное политическое дело. И именно юридическая броня, созданная Узбстером и Смитом, вызывает у всех объективных американских юристов подозрение, что эта броня призвана прикрыть серьезные политические трудности, с которыми столкнулись в министерстве юстиции. И потому доклад от 23 февраля — документ не только юридический, но еще и политический, а как таковой он выглядит малоубедительным.

* * *

Вашингтонские журналисты обратились к пресс-секретарю министерства юстиции Томасу Декэйру с просьбой объяснить, почему доклад обошел молчанием один из ключевых вопросов — противоречие в показаниях Кейси и Бейкера.

— Мы, — заявил Декэйр, — не обнаружили никакого сколько-нибудь значительного с точки зрения закона несоответствия.

— Поясните подробнее! — закричали с мест пресс-зала. Декэйр поднял вверх правую руку.

— Я считаю, что мы достаточно долго оставались на этом несоответствии.

— Готовы ли вы прокомментировать мнение лондонского журнала «Экономист», что Белый дом проклянет тот день, когда разноречивые показания Кейси и Бейкера все же докатятся до зала суда?

— Никаких комментариев.

— А почему все же вы не применили к Кейси и Бейкеру «детектор лжи»?

— Вопрос об использовании «детектора лжи» для того, чтобы выяснить, кто из двух говорит правду, вообще не обсуждался...

Все похоронить, все позабыть, все, что мешает, переименовать, от всего неудобного откеститься. Тактика министерства юстиции и Белого дома дала плоды. Через несколько дней доклад был забыт, «рейгангейт» был списан в гостеприимный архив Гуверовского института войны, революции и мира. Но расчеты похоронной команды были вскоре сами похоронены событиями.

Подводя же итог первому большому и извилистому этапу расследования «рейгангейта», нужно сказать следующее. Силы, пытавшиеся скрыть истину, в тысячу раз превосходили возможности тех, кто, говоря словами конгрессмена Элбосты, хотел бы дать ответы на законные вопросы американской общественности о таинственных событиях, сопровождавших восхождение к власти 40-го президента.

Малочисленный аппарат Элбосты выпустил двухтомный, 2400-страничный доклад, состоящий преимущественно из различных документов республиканской и демократической партий периода 1980 года, факсимиле памятных записок, распоряжений, рапортичек, договоровных обязательств, долларовых чеков, журналов приходов и уходов и пр. Из гор инертной информации отслаиваются крупницы как бы оживших заново событий. Они образуют вереницу фактов, доказывающих, в частности, что документы лагеря Картера были не его личной собственностью, не собственностью партии, а собственностью федеральной власти, поэтому их кража должна квалифицироваться как совершение федеральных преступлений.

Трехстраничный итоговый доклад министерства юстиции пренебрежительно отбрасывает этот вывод подкомиссии Элбосты. Юридическое творение рассчитано на то, чтобы успокоить «беловоротничковых» проказников: им не грозит кара, если они наберут в рот воды.

Появление данного документа из чрева министерства юстиции в общем-то симптоматично для всей стратегии правительства в сфере борьбы с «правонарушениями» в стране. На первый план вышло сохранение секретности во имя «национальной безопасности», преследование лиц, подозреваемых в раскрытии секретов администрации Рейгана, мобилизации ФБР на борьбу против инакомыслящих и т. п. А уже потом — выяснение отношений с организованной преступностью, «беловоротничковыми» проказниками и т. д. Доклад министерства юстиции сыпал «правовыми» критериями, что, дескать, картеровские документы никакой

секретностью не обладали, а потому они и не являются уликой федерального преступления. Белый дом оказался в щекотливом положении, когда горстка законодателей заявила американской общественности, что лидеры правительства подозреваются в федеральных преступлениях. Поэтому мудрецы на берегах Потомака в стольном граде Вашингтоне, как ни ломали голову, так и не смогли сколько-нибудь убедительно свести концы с концами в своей приверженности к охране тайн сейчас и прикарманивании их тогда, в 1980 году.

* * *

Весь февраль советник президента, вежливый до умопомрачения калифорниец немецких кровей, 53-летний Эд Миз III, как прилежный ученик, готовился к слушаниям в сенатской юридической комиссии, которая должна была рекомендовать сенату утвердить его на посту министра юстиции. Назначая свою «правую руку» на один из ответственных постов в правительстве, президент Рейган не сомневался, что контролируемая республиканцами комиссия быстро одобрит кандидатуру его фаворита. В подготовку к слушаниям Миз включил беседы на измор с руководящими работниками министерства юстиции и ФБР, которые напоминали знаменитые репетиции перед телевизионными дебатами, когда Стокман тренировал Рейгана. Советника президента начинили ответами на все случаи жизни, и он чувствовал себя на коне.

Готовился и председатель комиссии, расист номер один Америки, сенатор Стром Тэрмонд. Он обожал телевидение и, зная, сколько камер будет в зале, быстро агонял себя в самую телегеничную форму. Он увеличил вдвое время занятий в спортзале конгресса. 82-летний сенатор демонстрировал непрерывные отжимы от пола в честь предстоящего утверждения в должности министра юстиции «великого американца Эда Миза».

1 марта, день открытия слушаний, не предвещал никакой бури. И вот под бесчисленными юпитерами Тэрмонд зачитывает биографические данные «великого американца».

— Заместитель окружного прокурора... секретарь губернатора Рейгана по юридическим вопросам... Вице-президент аэрокосмической и транспортной компании «Рор индустриз»... Частная адвокатская практика в Сан-Диего... Заместитель председателя комиссии по борьбе с организованной преступностью штата Калифорния... Член Американской ассоциации юристов и ее секции по уголовному праву... Бакалавр гуманитарных наук... Профессор права университета Сан-Диего и директор исследовательского центра по проведению политики в области уголовного права... Пожизненный член ассоциации полицейских Калифорнии и член Международной ассоциации начальников полиции (до сих пор хобби Миза — коллекционирование моделей полицейских автомашин)... Почетный член Национальной ассоциации шерифов... Руководитель вместе с Кейси предвыборной кампании Рейгана 1980 года.

Об этом не говорилось, но это все знали: Миз заслужил особое расположение Рейгана, руководя подавлением антивоенных «бунтов» в Калифорнии в годы агрессии США во Вьетнаме и других общественных протестов. И оба они молились двуглавному орлу на имперском гербе: суперконсерватизму и супермилитаризму, составившим суть «рейганизма».

— Позвольте, — поднял карандаш над головой сенатор-республиканец Оррин Хэтч из штата Юта, — вы хороший человек, и вы заслу-

живае, чтобы с вами обращались как с хорошим человеком.

Миз потупил глаза и еле слышно сказал: «Благодарю вас, сенатор Хэтч». Затем Тэрмонд привел Миза к присяге, который поклялся на Библии говорить только правду.

По праву большинства в комиссии (10:8) республиканцы говорили первыми, демократы позевывали. Их не очень взбудоражило нашедшееся у виновника торжества—идеальных людей не бывает—темное пятнышко из прошлого Миза. В армии США есть две категории резерва. Полковник разведслужбы резерва Миз перешел из менее привилегированной в более привилегированную, хотя оснований для этого у него не было. Чем не повод для сенаторов поострить по поводу военной прыти будущего министра? Тот же обещал вернуться в свой прежний резерв и соответственно к той же сумме выплат (значительно меньшей, чем в привилегированном резерве).

Сенатор-демократ Говард Метценбаум из Кливленда (штат Огайо)—один из самых состоятельных членов сената. Значительную часть своего миллионного состояния он сколотил на операциях с землей и домами. Коллеги говорят, что у него особый нюх на финансовые прегрешения, связанные с земельной собственностью. Иногда такая интуиция окупается. Метценбаум послал своего помощника в Калифорнию, туда, где у Миза был дом, и вот на второй день слушаний сенатор из Кливленда задал вопросы о калифорнийском домовладении претендента в министры. Завязывается диалог, в котором сначала оба собеседника чувствуют себя как рыба в воде. Миз уверен в себе, у него был прекрасный дом в Калифорнии стоимостью полмиллиона долларов. Имея такой актив, он мог позволить себе купить под Вашингтоном дом за 560 тысяч долларов.

Очередь за Метценбаумом. Калифорнийское владение никто не покупал 19 месяцев. Затем его взяли за 370 тысяч, чтобы вскоре перепродать с убытком в 70 тысяч. Калифорнийский коммивояжер Томас Баррак, организовавший для Миза сделку, покрыл и тот убыток в 70 тысяч. Вскоре после этого «подвига филантропа» мистер Баррак занял пост заместителя помощника министра внутренних дел.

— Я,— перебивает Миз,— не имел никакого отношения к назначению мистера Баррака.

— Тут у меня письменные вопросы к вам по данному делу,— протягивает листочек бумаги Метценбаум. Миз быстро проглядывает его и небрежно сует в карман пиджака.

— А теперь, мистер Миз,— продолжает сенатор Метценбаум,— что вы можете нам рассказать о бумагах президента Картера, которые, если верить докладу министерства юстиции, неизвестным образом оказались в руках сотрудников предвыборной кампании, в руководстве которой участвовали и вы.

Вот этого никто от Метценбаума не ожидал. Синдром «замытого дела», воцарившийся вокруг «рейгангейта», казалось, исключал такую постановку вопроса. Но кливлендский миллионер решил прощупать столь подходящую для этого фигуру. Забегая вперед, воспользуемся оценкой результатов зондирования, которую дал наш знакомый Боб Вудворт. Спустя две недели он писал: «Потенциально наиболее важным является тот факт, что слушания о назначении Миза возродили болезненный вопрос о «рейгангейте», который Белый дом поспешил похоронить незадолго перед этим».

Находясь под присягой, Миз заверил сенатскую комиссию, что он ничего не знает, ничего не видел и ничего не слышал об этих проклятых бумагах. Миз побагровел, когда Метценбаум без обиняков предупредил его, что в его распоряжении данные, собранные подкомиссией во главе с конгрессменом Элбостой.

Миз имел дело с Элбостой, который выудил письменные показания не только из Кейси и Бейкера, но и из него, Миза. В отличие от Бейкера и Кейси он не стал вальтывать дурака и пускаться в философию, он знал, что сболтает одно лишнее слово—и потянется цепочка.

Элбосте попало кое-что из папки «ЭД МИЗ», которая хранилась в Гуверовском институте. Ее содержание—«экзотические» предвыборные

планы. В ней была и копия памятной записки от Уэйна Вэйлиса, функционера республиканской предвыборной кампании, Джеймсу Бейкеру. В памятке излагалось совещание картеровских функционеров среднего звена, на котором обсуждались идеи, как лучше донести до американцев в ходе телевизионных дебатов Картер—Рейган, что Рейган—«поджигатель войны».

В июле 1983 года Миз заявил, что он «не имеет никакого представления» об этом документе и других похищенных бумагах, что он не участвовал в каких-либо сделках и операциях с целью добыть такие материалы. Миз отмахнулся и от другого бывшего подчиненного—Даниэла Джонса, заявившего Элбосте под присягой, что он пересылал краденые документы не только Кейси, но и Мизу.

— Хочу довести до вашего сведения,— сообщил сенаторам Метценбаум,— что в письменном заявлении под присягой подкомиссии конгрессмена Элбосты мистер Миз 14 раз повторил, что он не знал источника добытых ими стратегических и других документов Картера, упоминаемых в памятках на его имя от сотрудников кампании Рейгана. В четырех других случаях Миз заявлял, что он не припоминает, чтобы он видел такие памятки, которые посылались ему в ходе кампании Рейгана.

Диспозиция в 1983 году была ясна. Бейкер говорил, что картеровские документы ему передавал Кейси. Кейси либо говорил, что он ничего не передавал, либо заявлял, что он не может поручиться, что через его руки не прошли какие-то документы. Миз, который любит влезать во все детали, все знать, всем и всеми командовать, говорил, что ничего не знает, ничего не видел, ничего не слышал.

Провалом памяти американца абсолютно не удивись. Он знает об этом излюбленном финте определенного сорта людей, сталкивающихся с допросами, следствием, судебным разбирательством. Но чтобы за этим забором прятался советник президента, лицо могущественное, державшее в своих руках всю внутриполитическую стратегию правительства, перед которым стояли навытяжку министры и главы федеральных ведомств, которого называли вторым президентом! Провал памяти Миза приобретал гротескные формы, напоминая театр абсурда.

7 марта Метценбаум в конце дня протягивает круглолицему белокурому здоровяку с массивным двойным подбородком несколько листов бумаги и просит письменно ответить на содержащиеся в нем вопросы. На следующий день Миз вручает короткий ответ, и сенатор считает себя вправе передать прессы новые данные, по которым он хотел получить разъяснения героя слушаний.

1. Наш старый знакомый Макс Хьюджел, шпион-миллионер и основной помощник Кейси по подрывным делам против Картера, 11 августа 1980 года составил памятку на имя Миза, который вместе с Кейси руководил предвыборной кампанией Рейгана. Хьюджел толково излагал датированный 28 июля 1980 года документ предвыборной организации Картера. Он был посвящен стратегии на предстоящем съезде демократической партии, где ожидалась острая—«кровавопролитная»—борьба между Картером и Э. Кеннеди, и плану кампании против Рейгана. Хьюджел писал Мизу: «Билл Кейси попросил меня, чтобы я получил от вас оценку этого меморандума, попавшего в мои руки, и чтобы вы разработали для нас нашу собственную стратегию по этому вопросу, которая могла бы служить противовесом этим усилиям (Картера)».

2. 12 сентября 1980 года Миз получает одну из нескольких памяток от упоминавшегося выше функционера отставного адмирала Роберта Гаррика. Тот сообщил точный план передвижений Картера по стране на много дней вперед. Это была ценнейшая информация, позволявшая разработать предвыборную контрстратегию. Гаррик доложил, что информация получена от «нашего надежного источника в Белом доме», и дописал от руки на полях, что «Кейси заинтересован в увеличении информации из картеровского лагеря».

3. Еще одна памятка, препровожденная Хьюджелом Мизу, датирована 17 сентября 1980 года. На ней была приписка от руки: «Эду Мизу: что вы об этом думаете?» Мало кто знает, что думал Эд Миз по поводу того,

что тогдашний командующий стратегической авиацией генерал Ричард Эллис был снаедаем желанием «вышибить Джимми Картера из седла» и что генерал требовал секретной встречи с Рейганом.

4. Памятная записка от 15 октября 1980 года была адресована Рейгану, Мизу, Кейси. Она была подписана Ричардом Алленом, прославившимся позднее получением взятки от японцев. Аллен доводил до сведения своих адресатов, что его осведомитель с кодовым обозначением «ABC XYZ» является «непогрешимым источником». Сей «ABC XYZ» подробно информировал республиканскую верхушку по самому болезненному для Картера вопросу—отношениям с Ираном.

5. Консультант республиканцев Тельма Даггин писала 17 октября 1980 года в памятке на имя Миза, что из добытых у демократов документов видно: Картер собирается мобилизовать голоса негров, используя для этого, в частности, видеоленту выступления одного из лидеров ку-клукс-клана, объясняющего, почему он поддерживает Рейгана. Функционер кампании республиканцев Уильям Тиммонс писал от руки на памятке Тельмы Даггин: «Эду Мизу: предложите идеи насчет того, что этому противопоставить. Я получил эту информацию от очень надежного помощника Картера, и к ней следует отнестись со всей серьезностью».

6. Хотя министерство юстиции уверяло в своем творении, что «добывались» лишь ориентирующие материалы Картера к теледебатам, имеется памятная записка Мизу от рекламного агента республиканской организации Питера Дейла, и датирована она 1 ноября 1980 года, то есть спустя несколько дней после теледебатов. В ней подробно и точно излагалось обращение Картера по телевидению к избирателям, которое состоялось через три дня. Учитывая голливудские приемы Рейгана, для республиканцев, готовивших такое же почти одновременное выступление своего кандидата в президенты в канун выборов, было ценно узнать, что программу Картера взялся вести киноактер высшего класса Генри Фонда.

Корреспонденты могли видеть памятки и надписи от руки на них. Были и еще документы. Хьюджел пересылал Мизу картеровский план завоевания двадцати штатов, где важное значение имели фермерские голоса. Миз получал от Хьюджела секретные документы государственного департамента, который весьма интересовал республиканцев в связи с неожиданной отставкой там Сайруса Вэнса в знак протеста против политики Картера и приходом к рулю сенатора Эдмунда Маски. Небезынтересен был меморандум от Рейгана Мизу, направленный еще в апреле 1980 года. Это была сопроводительная к документам, полученным из «аппарата Джимми Картера». Раздобыл их конгрессмен-республиканец Эддон Радд и любезно подарил Рейгану, а тот препроводил их Мизу.

Язык парад-алле памятных записок, которые четырем годами ранее ложились на стол Миза, многоречив. Большой друг Миза министр юстиции Смит отлично знал о всех этих и, наверно, о многих других фактических доказательствах поставленного на широкую ногу потрошения Картера задолго до телевизионных дебатов. Но для министерства юстиции (если судить по докладу от 23 февраля) эта проблема просто не существовала, ФБР покружилось лишь вокруг «ориентирующих бумаг» Картера к теледебатам. И то, наверно, потому, что об «ориентирующих бумагах» сболтали Бейкер и Стокман.

Парад-алле не вывел Миза из себя. Уже на следующий день, 8 марта, он протягивает Метценбауму два документа. Первый—копия его письменного заявления под присягой Элбосте, в котором были почти одни отрицания. Второй документ заверял законодателя, что он ничего не знает о предложенных его вниманию новых памятках, что «ему никогда ничего не было известно о предпринятых по уговору усилиях кого-либо из сотрудников республиканской предвыборной организации 1980 года с целью добыть у администрации Картера или президентской предвыборной организации Картера—Мондейла какие-либо их личные материалы или информацию».

Следовательно, если министерство юстиции и ФБР признавали, что «личные» бумаги Карте-

ра и Мондейла добывались рейгановцами каким-то не разгаданным ими мистическим способом, но что государственных бумаг якобы их руки не касались (здесь на следователей находила слепота и они как бы не видели похищенных документов Совета национальной безопасности и государственного департамента), то кандидат в министры юстиции Миз брал линию на то, чтобы фактически дезавуировать и доклад своего друга Смита, говоря, что никаких «личных», то есть партийных, документов не похищалось. Прочитав ответ Миза, сенатор Метценбаум развел руками и усмехнулся: «Невероятно!» Он предъявил ультиматум: он сможет продолжать участие в слушаниях лишь при условии, что Миз даст здесь же и сейчас же обещание, что в случае утверждения его министром юстиции он не будет вмешиваться в расследование «рейгангейта». Трудно сказать, чего стоит обещание Миза, но он его дал.

Так демократы дали знать через Метценбаума, что, по их мнению, доклад министерства юстиции от 23 февраля не положил конец «рейгангейту».

«Танец законника Миза вокруг картеровских бумаг» — так характеризовала газета «Нью-Йорк таймс» увертки кандидата в министры в редакционной статье под заголовком «Где мистер Миз просчитался». И далее: «Подозрительные стороны его официальной и неофициальной жизни свидетельствуют: Миз не подходит для должности министра юстиции. Он не может припомнить, чтобы он видел опаснейшие для него документы. Он не знал «ни о каких усилиях» сторонников Рейгана «раздобыть» материалы Картера. Это выходящее жеманство не соответствует посту министра юстиции».

А газета «Вашингтон пост» писала, что Метценбаум приписал еще какие-то свидетельства и что Белый дом встревожен новыми серьезными проблемами, встающими перед кампанией за переизбрание Рейгана президентом в связи с кражей в Белом доме. Корреспондентов интересовала реакция Белого дома на «танец законника Миза».

— Почему такое расхождение между заявлениями Миза и реальной практикой руководителя предвыборной кампании, который не может не читать донесения по важнейшей проблеме кампании, как кокаутировать Картера? — спросили у заместителя пресс-секретаря Белого дома.

— Никаких комментариев не будет, — оборвал он любопытного, — но имейте в виду: президент полностью доверяет Мизу и поддерживает его кандидатуру.

Президент подтвердил это в интервью крупнейшему газетному синдикату страны «Ганне-ту». Он добавил, что, когда смотрит по телевидению слушания о назначении Миза, он приходит в такую ярость, что срывает свои очки, бросает их на стол и выражается непечатными словами.

...Для покупки дома под Вашингтоном Миз получил заем (480 тысяч долларов) в одном из банковских учреждений Сан-Диего — «Грейт америкэн федерал сейвингс энд лоун ассошиэйшн». Практика на этот счет в Америке известна каждому, не говоря уже о юристах. В ее основе лежит палочная дисциплина средневекового ломбарда: выплаты по всему займу (закладной и процентам) идут в точно обозначенные дни, месяцы, годы, замешкаешься — можешь лишиться дома и того, что сумел выплатить за него. Миз почти за два года просрочил 15 выплат, хотя, кстати, процент был ему устроен очень низкий, таких не назначают больше в Америке 80-х годов. Тем временем председатель совета директоров упомянутого сан-диегского банка Гордон Люс (в прошлом директор транспортного управления у губернатора Рейгана) получил назначение заместителя представителя США при ООН. Первый вице-президент сан-диегского банка (бывший пресс-секретарь губернатора Рейгана) Эдвин Грей стал председателем совета правительственного федерального банка для кредитования домостроительства. И еще три сотрудника дальновидного сан-диегского «ломбарда» оказались на крупных правительственных должностях.

— Я к этим назначениям никакого отношения не имел, — заверяет Миз сенаторов.

— А к назначению Джона Маккина сначала членом, а потом председателем совета управляющих почтовой службы США вы имели отношение? — спрашивает Метценбаум.

— Никакого, — удивленно поводит бровями президентский советник.

— А что вы знаете о том, что фамилия Маккина стояла в самом конце списка кандидатов в члены совета управляющих, которые были представлены на назначение президенту, и что она, эта фамилия, была приписана рукой? Чья это была рука?

— Это мне неизвестно.

— Но вам известно, что вы взяли у Маккина 60 тысяч долларов в долг и не выплачиваете ни долг, ни проценты, а советник президента Майкл Дивер взял у Маккина в долг 58 тысяч долларов? — ледяным тоном спрашивает белый как лунь и поблескивающий очками кливлендский бизнесмен Метценбаум, слышащий наряду с Эдвардом Кеннеди главным либералом сената США.

Мы опустили многие другие вопросы демократов — членов юридической комиссии сената. Они отскакивали от Миза как горох от стены. Он отрицал, что выступает одним из главных идеологов и практиков «рейгановской революции» — перекачки средств из социальной системы, заложенной Франклином Делано Рузвельтом, в кормушку военно-промышленного комплекса. Он повторил свои заявления, поддержанные президентом, будто в Америке нет голодающих и бездомных, на которые сенатор Э. Кеннеди ответил в декабре 1983 года докладом «Голод в Америке», а, например, 800 тысяч официально голодающих в «автомобилестроительной столице» — Детройте — послали Мизу свои проклятия за слова, будто «голодающий — это не голодающий, а ищущий пожрать на дармовщинку».

И по «рейгангейту» и по другим острейшим политическим проблемам Миз был скользок как угорь. И сенаторы взялись с другого конца. Коррупции. Ставший к тому времени популярной политической «звездой» телевизионного экрана, претендент в президентские кандидаты от демократической партии, главный сюрприз первичных выборов среди демократов, сенатор Гэри Харт назвал Миза «национальным безобразием», добавив, что «злоупотребление занимаемой в правительстве должностью стало образом жизни для нынешней администрации, но там это нисколько никого не волнует — даже президента». Харт опубликовал список 55 правительственных деятелей, поведение которых не отвечает нормам официальной этики, которые злоупотребляют своим положением и даже совершают уголовные преступления. А крапива в выступлениях другого претендента среди демократов на пост президента — Уолтера Мондейла — жалила еще нещаднее.

Республиканцы ошетинились. «Антимизовская кампания», — промолвил сенатор Джон Ист, — это людоедство в вашингтонском стиле. Друг президента и верховный руководитель его предвыборной кампании 1984 года, сенатор Пол Лэсколт заявил, что демократы пробуют поживиться на «непроверенных голословных утверждениях и инсинуациях». Демократы прибегают к «убийству репутации», высказался председатель Национального комитета республиканской партии Фрэнк Фаренкофф. Но что давали такие вздохи обид и поруганной чести? Лишь восхождение в памяти тех «убийств репутации», которые четырьмя годами ранее организовал «Циклон» Кейси и о чем подробно писалось выше.

— ...Вы не помните, что ваша подпись стоит под назначением Маккина председателем совета управляющих почтовой службы США?

— Не припоминаю.

— Не слишком ли это большой пост для сборщика налогов из Сан-Франциско?

— Не мне судить.

— Почему вы не зафиксировали ссуду в 60 тысяч долларов в ваших финансовых отчетах и на что пошли деньги?

— Ссуду не указал по непростительной расхлябанности, деньги нужны были для оплаты учебы детей. Вернул ли? Не помню точно.

Окончание следует.

Виталий КИСЛОВ

Письма

ЛЕСНЫЕ ЗАГАДКИ

Лесным загадкам нет числа,
Природа знать не знает спешки.
Сквозь гриб травинка проросла,
Живет в объятьях сыроежки.

А вот топор —

стальной нарот
Облюбовал в сосне жилище.
По рукоят навек врос,
Смолой покрылось топориче.

В закромах прорастает картошка.
Бьется ашняя верба в окно.
И мимоза дешевле немножко
Продается у входа в кино.
И подснежники чудно,

сквозь слезы,
На ветру улыбаются всем.
И к прощальным

февральским морозам
Отношение другое совсем.

МУЗЫКА СЕВЕРА

Мой друг на Север уезжает
Под эту музыку опять.
Никто его не провожает.
При встрече некому обнять.

И нет ее, зовущей, выше.
И я молчу, раз вышло так:
Что друг мой, а не я услышал,
Как Север подавал нам знак...

И доброй музыкой согреты
Вагона жесткие места.
К остаткам северного лета
Качнулась первая верста.

НЕ БОЙТЕСЬ ТУМАНА В АПРЕЛЕ

Нет, никаких не наделает бед
Первый апрельский туман-снегосуд.
Вот он укутает
Улицу, дом,
В город войдет —

и повеет теплом.

Оборвал полет внезапный взрыв.
Летчик спасся.
Чудом уцелел —

повезло,
Но сильно обгорел,
А ведь был он ладен и красив.

В документах карточки сменил,
А невесте запретил звонить:
Дескать, вовсе он и не любил
И решил один всю жизнь прожить.

Писем не читал,
мол, недосуг.

Письма прекратились...
Только вдруг
Постучался кто-то у окна.
— Кто там?
— Это я.

Твоя жена.

«...СДЕЛАЛ, ЧТО ДОЛЖНО»

Своей мечтой поставить «Живой труп» и сыграть Федю Протасова он поделился с друзьями лет пятнадцать назад. Причем решил на это только тогда, когда в душе, в сознании сформировалась крепкая убежденность в том, что именно он и именно его театр должны, призваны это сделать. Кто же, кроме них, цыган, сможет со всей яркостью, страстью и пронзительной, завораживающей грустью передать ту влекущую силу цыганской песни, богатство чувств этого народа, которое вызвало у Федю Протасова восхищенное признание: «Это степь, это десятый век, это не свобода, а воля...»

В последние годы приходилось видеть разные постановки «Живого трупа», непохожих друг на друга исполнителей роли Протасова, но все эти спектакли страдали одним серьезным недостатком — слабыми, бледными и художественно и психологически цыганскими сценами, где образ Воли как «нравственной половины человеческого духа» подменялся расхожими штампами безвкусицы, именуемой цыганщиной. В одном из очень авторитетных академических театров Прибалтики фонограмма вместо «живых» песен, не точно поставленные танцы чуть ли не на столе, полное отсутствие национальной характеристики начисто убили саму суть трагедии Федора Протасова, ибо в цыганской песне искал он забвения от преследующего его мучительного чувства стыда, ощущения фальши и никчемности собственной жизни, и обрести это забвение и очищение можно, только встретившись с настоящим высоким искусством народа, тем самым, которое вызывало восхищение самого Льва Николаевича Толстого.

Еще до создания этой драмы у писателя появилась мысль о «включении искусства в жизнь, абсолютной неотторжимости того, что следует считать подлинным искусством, от того, что может быть названо подлинной жизнью». Любые же подделки под эту жизнь неумолимо мельчат образ Протасова, превращая его из трагически противоречивой личности, сознательно бросившей вызов фарисейской респектабельности, кандалным условностям общества, из человека, избравшего Волю, настоящего на своем нравственном праве на нее и удовлетворенного этим выбором, в заурядного кабацкого гуляку. Вот почему сцены с хором так существенны в спектакле. Вот почему истинностью своего искусства хор цыганского театра «Ромэн» создает предельно достоверную атмосферу действия. И зрителя, слушателя, как и главного героя, завораживает, манит, берedit, тревожит изумительно, органно звучащая хоровая цыганская песня (хормейстер В. Деметер), вливает бодрость и энергию темпераментный танец (балетмейстер И. Хрусталева). В хоре нет ни одного равнодушного, невыразительного лица — в каждом прочитывается судьба и характер.

Николай Сличенко поставил спектакль как трагический поединок вольной, чистой, благородной души с монолитом рассудочности, размеренности, отретпиро-

ванности, унылой повседневности, каковые в этом обществе приняты за эталон «порядочного», «добродетельного», «нравственного» поведения.

Под звуки изящного, мелодичного вальса, проникнутого какой-то затаенной грустью, вертится над сценой тяжелый железный круг — символическое колесо жизни. Неумолимостью веет от этого кружения, и как-то по-особому пронзительно жалко становится Федю Протасова — романтика, попавшего под колесо жизни, не сумевшего да, впрочем, и не захотевшего вступить в сделку с собственной совестью, возвысившегося над тяжкими обстоятельствами и заблуждениями своей жизни ценой этой жизни.

«Я сделал, что должно», — убежден Федя, совершая, с точки зрения близких и друзей, множество непонятных, якобы порочающих его поступков. Если не можешь жить так, чтобы убеждения твоим соответствовали поступки твои и окружающим, значит, лучше не жить — таково убеждение Протасова. Эта трагическая незащищенность человека, способного на высшее проявление духа, мечта и убежденность в том, что именно такое высшее проявление духа и должно стать естественным качеством человека, вылились темой спектакля.

Сличенко-режиссер поставил эту задачу, Сличенко-актер блестяще ее решает. В роли Протасова актер предстает в совершенно новом, неведомом нам ранее качестве: он настоящий трагик. К нему вполне приложимы слова критика, сказанные когда-то о Николае Симонове: «...он натурален и прост даже в возвышенном». Заслуга Николая Сличенко в том, что, проявив полную самоотре-

ченность, как бы уничтожив свой, привычный для всех нас облик знаменитого певца, любимца миллионов зрителей, он душевной сосредоточенностью, силой внутреннего перевоплощения добился почти зримого образа духовной красоты своего героя, возвышенности его личности. Его Федя мягок и нежен, говорит негромко, задумчиво, как бы прислушиваясь к чему-то в самом себе. В его лице, слушает ли он цыган, рассказывает ли о своей жизни Петушкову (П. Модриков), говорит ли с Карениным, прочитывается одновременно доброта и грусть, тихое отчаяние и глубокий уважительный интерес к миру и человеку, одиночество и надежда. Только однажды взрывается он, не будучи в силах терпеть откровенного издевательства судебного следователя. В этом монологе актер потрясает силою своих чувств, он как бы вырастает на наших глазах и переходит ту незримую грань, которая отделяет «обыкновенного» человека Федю Протасова от высокого трагического символа — вызова всему мелкому, бескрылому и ханжескому в этой жизни.

«Я отказался от жизни людей своего круга», — говорил Толстой.

Уход от неистинной жизни, нравственное воскрешение, пусть даже ценой гибели, одинаково характерны и для самого Толстого и для его сценического героя, каким увидели его мы в воплощении Николая Сличенко. Поэтому так убедителен и волнующ финал спектакля, где цыгане возносят мертвого Федю вверх по лестнице — мученика, страдальца, отринутого холодным, бездушным обществом, — а Маша, как большая черная птица, распахнув руки-крылья, загораживает путь Лизе и Каренину. Эта принципиальная наход-

ка постановщика логично и достойно завершает «цыганскую» тему в спектакле.

Вот теперь пришла пора сказать и о других его участниках. И, конечно же, прежде всего о Маше в исполнении Светланы Янковской. Молодая талантливая актриса не раз удивляла поклонников «Ромэна» своими волшебными превращениями: ей одинаково под силу и лирические, и героические, и острокarakterные роли. Но Маша — это нечто особенное, стоящее не в стороне, а как бы над всем тем, что хорошо и ярко сыграно прежде.

Ее красота благородна, одухотворена. А голос ее, то нежный, будто замирающая струна, то раздольный, как сама воля, кажется, продолжает звучать в душе и поныне. Только такой голос, такой порывистый, страстный, отчаянный и самозабвенный характер и могли, кажется, возвысить Протасова, вдохновить его на высокую, светлую любовь.

Достойны самых добрых слов заслуженная артистка РСФСР Ирина Некрасова и Моисей Оглу, красочно, щедро сыгравшие Машинных родителей Настасью Ивановну и Ивана Макаровича.

Вообще надо сказать, что весь спектакль, все актерские работы отличает высокий уровень профессионализма и достоверности, как камертоном, заданный самим Сличенко. Его партнером Ирине Морозовой (Лиза) и Владимиру Страшинскому (Каренин) удалось избежать лобового противопоставления Феде. Эти люди весьма обязательны, искренни в своих переживаниях, но... начисто лишены той «кизюминки», которую так ценит в людях Протасов, а оттого и вызывают желание еще и еще раз поразмышлять, что это — вина их или беда и как надо жить, чтобы всегда быть честным перед собой, слышать голос, который зовет к тебе о помощи, даже если человек рядом с тобою молчит.

Убедительна Т. Агамирова — Анна Дмитриевна Каренина. И. Хрусталева создает довольно неожиданный образ князя Абрезкова — за его щегольским, не лишенным артистической вольности обликом ощущается весьма бурно проживанная жизнь. Быть может, оттого этому много повидавшему и испытывавшему человеку близок и симпатичен Протасов? Запомнилась чистая, восторженная, искренняя Саша в исполнении Л. Дальской.

Я уже говорила о выразительности деталей сценографии, остается добавить, что всю ее отличает емкий лаконизм, строгость вкуса, точность и оригинальность пространственного решения (художник М. Мотин).

Казалось бы, спектакль, одним из главных героев которого является цыганская песня, не нуждается в дополнительном музыкальном оформлении. Однако музыка В. Рафаэлова не только не кажется лишней, а, напротив, в своем изяществе, сдержанной, благородной простоте, с интонацией горечи она становится как бы музыкальной темой, образом Феиной судьбы.

Цыганский театр отдал великому русскому писателю свой долг любви и таланта...

— Я сделал, что должно, — вправе вслед за своим героем повторить режиссер и актер Николай Сличенко.

Н. Сличенко и П. Модриков в спектакле «Живой труп».

Фото С. Герасимова

ПРОЩАЙ, ДРУГ

Не верится, что из жизни ушел веселый, душевный и талантливый, темпераментный человек, выдающийся композитор, народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР Сигизмунд Абрамович Кац.

Его музыка вошла в нашу жизнь накрепко. Его мелодии стали спутниками не одного поколения советских людей, для которых песни Сигизмунда Каца являются ярким выражением жизнеутверждающего образа человека-созидателя, человека-борца.

Сигизмунд Абрамович прожил жизнь прекрасную еще и потому, что всегда был в окружении людей интересных. Люди разных возрастов и профессий тянулись к нему, находя в композиторе человека с добрым сердцем. Общение с ними, активнейшее участие в нашей кипучей жизни — вот источ-

ник вдохновения, который питал беспокойную, романтическую натуру музыканта.

С детства его душа была взята в плен музыкой, и он рано начал создавать свои произведения. Будучи превосходным пианистом, он потом пришел в музыкальный театр и подарил нам свои оперетты, сразу завоевавшие большую популярность... Сигизмунду Абрамовичу принадлежат многие произведения, написанные в разных жанрах. Прекрасную музыку он написал для многих кинофильмов и театральных постановок. Но самую большую славу, всенародное признание и любовь ему принесли его песни: они вошли в золотой фонд советской музыки и стали неотъемлемой частью нашей культуры, ибо они прекрасны. Они поразительно душевны, они рождены любовью композитора к нашей жизни, к нашей природе, ко всему советскому...

«Шумел сурово брянский лес», «Два Максима», «Сирень цветет» и многие другие, и очень многие другие песни Каца мы поем сегодня. Передаем их как драгоценный музыкальный дар юношам и девушкам, строящим, создающим грядущую жизнь страны, идущим на подвиги во имя счастья и мира.

Сигизмунд Кац написал книгу, где рассказывает о песнях и о своей жизни. Она, как и его музыка, написана интересно, с любовью к людям.

Для нас, композиторов, потеря выдающегося музыканта особенно горька. Мы расстаемся не только с замечательным композитором, но и с родным, близким человеком, настоящим другом. Многие называли Сигизмунда Абрамовича просто Зига — это имя пришло к нему естественно, органично, а рождено было его неповторимым характером: добрым, душевным, открытым, предельно правдивым и дружелюбным...

Уходят люди — остаются их дела. Ушел из жизни Сигизмунд Абрамович Кац — навсегда осталась его музыка.

Прощай, дорогой друг.

Оскар ФЕЛЬЦМАН

И снова Быкова!

ТРИ МИРОВЫХ РЕКОРДА НА КИЕВСКОМ СТАДИОНЕ

На всесоюзных соревнованиях по легкой атлетике в Киеве снова прозвучало имя Тамары Быковой. Лишь год продержался ее мировой рекорд, установленный в Риме прошлым летом, — 2 метра 4 сантиметра. Тамара Быкова в Киеве преодолела с первых попыток 1.95, 1.97, 1.99 и 2.02, а высоту нового рекорда 2.05 покорилась со второй попытки.

Внесли поправки в таблицу мировых рекордов и подруги Быковой по сборной команде: Маргарита Пономарева, она пробежала 400 метров с барьерами за 53,58 секунды, и Ольга Бондаренко, закончившая дистанцию 10 000 метров за 31 минуту 13,78 секунды.

ПАМЯТИ ЮРИЯ СЕЛЕЗНЕВА

Трудно поверить, но еще труднее понять случившееся. Долго будем мы переживать эту невосполнимую потерю, еще не раз подумаем о том, как несправедлива порой судьба, уводящая из жизни челове-

ка, полного сил, способного самоотверженно, подвигнически делать все, чтобы литература была лучше, чтобы дух человека и сознание его оставались чистыми и верными своему земному назначению.

В свои сорок четыре года Юрий Селезнев успел сделать много. Придя в литературу, когда шло в ней сложное движение к более глубокому осмыслению и утверждению идеалов народности и историзма, он, будто подхваченный волной этого движения, написал статьи и книги, ставшие во многом опорой читательского сознания. Открытые, ясные в слове и мысли, полной гражданского и патристического пафоса, они звучали порой непривычно, вызвали споры и вместе с тем с полной очевидностью открывали слабые стороны нашей литературной жизни, ориентировали читателя на классические образцы, убеждали в великом будущем многонациональной советской культуры. Мощное, талантливое дыхание работ Юрия Селезнева призывало многих художников слова работать, опираясь на опыт народной культуры, а читателя определять свое отношение к литературе с позиции этого опыта. Такие статьи, как «Если сказку сломаешь», «Мифы и истины», «Ответственность», «Златая цепь, или Опыт путешествия к истокам народной памяти», стали

высоким образцом современной литературной критики.

Когда приходит в мир человек способный и имеющий право сказать свое слово от имени всех, сказать так, что не возникает ни малейшего сомнения в его искренности и чистоте сердечных помыслов, тогда, увлеченные порывом его ума и мощным биением его сердца, поднимаются те, к кому это слово обращено. Нельзя ставить в заслугу ни одному из нас любовь к Родине, ибо это чувство в первоисточнике своем естественно. Поэтому, говоря, что Юрий Селезнев никогда и ни в чем, ни одним словом не поступил в угоду случаю или конкретной литературной ситуации, мы отмечаем это лишь как пример того, каким должно быть сердце писателя, критика.

Сердце, сердце... Бывает, что и оно не выдерживает тех чрезмерных нагрузок, тревог, переживаний и боли, которые выпадают на долю сильного духом. Сердце тогда, когда его талантливое живое слово должно было зазвучать в полный голос. Впрочем, почему «должно было»? Оно звучит и будет звучать. Ведь без слова Юрия Селезнева трудно и невозможно теперь представить историю отечественной литературы.

Сергей ЛЫКОШИН

КУБОК У «ДИНАМО»

В 43-й раз был разыгран Кубок СССР по футболу. На зеленом поле в Лужниках встретились один из лидеров всесоюзного первенства, ленинградская команда «Зенит», и аутсайдер чемпионата, команда московского «Динамо». Казалось бы, судьбу почетного приза предсказать не так уж трудно, но борьба за Кубок проходит по своим особым законам, и, видимо, не случайно в семи встречах, которые провели между собой на разных кубковых уровнях зенитовцы и динамовцы, преимущество в счете на стороне москвичей. Да и по числу побед в розыгрыше Кубка «Динамо» опережает «Зенит»: москвичи завоевывали Кубок пять раз. И на сей раз динамовцы в напряженной равной борьбе (два тайма закончились 0:0) сумели в дополнительное время забить два мяча. Автор первого гола — неутомимый Валерий Газзаев, а второго — Александр Бородюк.

В торжественной обстановке хрустальный Кубок был вручен динамовцам.

На снимке: игроки московского «Динамо» А. Головин, В. Газзаев, А. Бородюк.

Фото А. Бочинина

ЛУЧШЕ ЧАЯ ТОЛЬКО ЧАЙ

Полвека назад в столице субтропиков Советского Азербайджана, в Ленкорани, были заложены первые десять гектаров плантаций чая. Так родилось в республике чаеводство. Сегодня чайные плантации занимают шесть тысяч гектаров — от крутых Талышских гор до Каспия. В прошлую страду собрано более четырнадцати тысяч тонн зеленого листа.

В Ленкорани бытует изречение: лучше чай только чай. Жители города вкладывают в него неизменную симпатию и напиток.

Здесь завершено строительство Дома чая с дегустационным и торговыми залами и, может быть, единственным музеем чая.

Г. ПОГОСОВ
Фото автора

На снимке: уголок ленкоранского Дома чая.

М. КОРЧАГИН

ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО ВОЛОКИТА

ФЕЛЬЕТОН

Если вам не жалко времени, совсем необязательно заниматься традиционным переучетом горластых ворон, чтобы убить его наверняка. В век повальной грамотности достаточно взять чистый листок, потом написать робкое «Прошу...» и отослать по тому адресу, где на ваши предыдущие «прошу» уже завели отдельную папочку с разноцветными тесемочками.

А в один прекрасный день тесемочки не сойдутся, и выползет из бумажных лопухов, лениво извиваясь и шурша чернильным язычком, Ее Величество Волокита. Она начнет пожирать то самое время, которое показалось вам поначалу лишним.

Ветеран двух войн москвич Ф. Кравчук именно так и сделал: взял в апреле 1979 года ручку и написал это самое «прошу» в адрес товарищеского суда жэка № 8. Правда, утверждать, что у ветерана (разменявшего уже девятый десяток лет) это время лишнее, было бы опрометчиво. Но и решился ветеран на это только после того, как Соломченко (соседка сверху) второй раз залила его, кравчукскую квартиру.

— И как не стыдно заливать чужие квартиры! — осуждающе покачали головами в суде. Но, лениво зевнув, сочли, что в столь сложных соседских взаимоотношениях лучше всего разобраться в нарсуде Волгоградского района столицы.

— Какая невоспитанность по отношению к соседям снизу! — сказали там и на папке с делом сочинили симпатичный бантик.

Народный судья Л. Чернова затянула дело почти на двенадцать месяцев, З. Попелушко из Москворецкого суда (куда дело переправили как в суд нейтральный) расщедрилась на полгода, а в руках А. Бариновой (Ждановский суд) оно не двигалось десять месяцев.

Когда тесемки на папках перестали сходиться, бумаги переплели, и получился двухтомный запотокопированный роман. Судьям довольно было бы отыскать в 1-м и 2-м томах страницы с актом о заливе и заключением экспертизы, и Соломченко еще в далеком 1979 году должна была бы уплатить за ущерб. На календаре год 1984-й, а ветерану пока ничего не остается, как запастись изрядным терпением, покуда не отыщутся позабытые странички.

Не меньшим терпением запаса и инвалиды войны из города Киржача Владимирской области Д. Кошкин, давненько поджидавший, когда тишину его дома обеспокоят, наконец, телефонные трели.

— ...Все-таки как-то негоже так больному человеку, — сказал бы начальник узла связи Г. Константинов. — Упущеньице вышло с нашей стороны.

И растроганный инвалид по доброте души своей, на радостях, конечно же, извинил бы бессовестных волокитчиков, успокоил они его подобным звонком. Но этой возможности позвонить и извиниться они пока лишают себя сами, несмотря на то, что уважаемый Кошкин уже успел нанести им двенадцать визитов.

В отличие от Д. Кошкина группа инвалидов

войны из Одесской области свои визиты не считала. По крайней мере за три года обивания порогов облздравотдела они давно сбились со счета, пытаясь уладить вопрос с гаражом, что на территории областной психбольницы № 1. К гаражу у них, собственно, претензий не было никаких. Напротив. Если посмотреть на него как на стоянку автомашин, то это вполне приличный гараж, успешно гармонирующий с архитектурным ансамблем корпусов больницы. Но это не стоянка — это неврологическое отделение, где разместили койки для людей, травмированных войной.

Между тем в облздравотделе беспокоились: вдруг да кто-нибудь упрекнет их в невнимании и бессердечии к инвалидам.

И на этот самый случай припасли очень удобную форму письменных взаимоотношений под кодовым названием «ответ дан». Для успешного поддержания таких отношений главное, чтобы в авторучке было достаточно розовых чернил.

— Допустим, просят нас инвалиды избавить их от гаража, — рассуждают любители розовых чернил, — а мы им: пожалуйста, вот письмо в Советский комитет ветеранов Великой Отечественной войны от 28 мая 1982 года о выделении «отдельного помещения для госпитального неврологического отделения на территории бывшей областной больницы». И это ничего, что на больничном дворе уже 1984 год, а обещанного нами отделения нет и в помине. Главное, что не оставляем без ответа, реагируем, так сказать...

Или они нам о строительстве госпиталя для инвалидов войны, а мы им: так, мол, и так, «распоряжением Одесского областного Совета народных депутатов № 240—р от 25.05.81 г. в Одессе намечено строительство госпиталя для ИОВ». Милости просим подлечиться.

Правда, в ответе товарищи постеснялись уточнить, когда это можно будет сделать. Зато пусть теперь кто попробует сказать, что товарищи не думают об инвалидах, не реагируют...

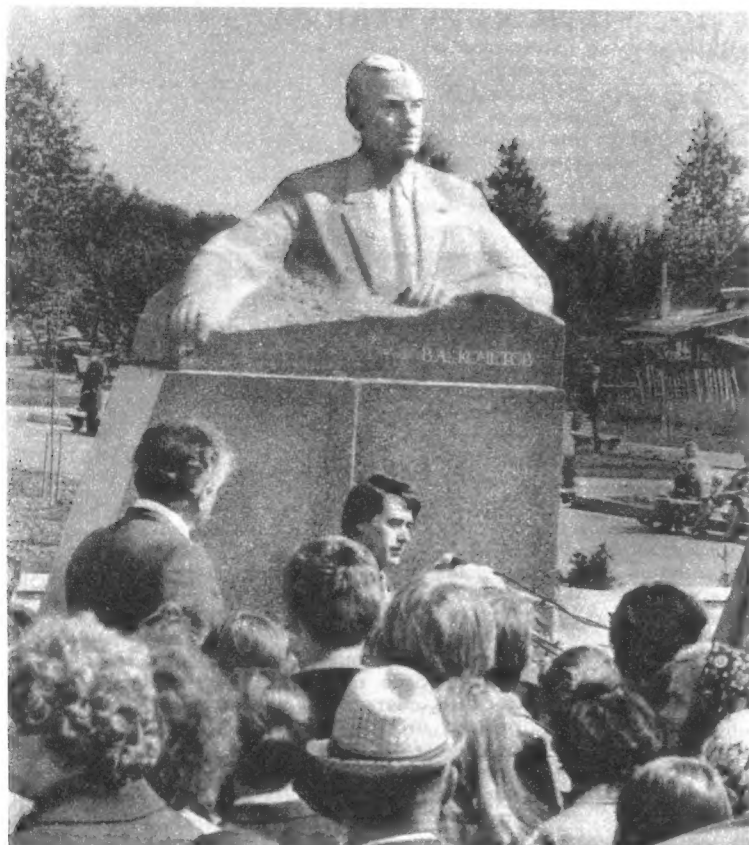
Начальнику Краснодарского краевого госпиталя В. Ермолаеву реагировать приходится чаще устно. И уже не ведает начальник, куда прятаться, когда порог его кабинета переступает очередная группа инвалидов войны.

— Очень я извиняюсь, но вы не по адресу, — скрещивает он руки на груди, густо покрываясь румянцем смущения. — И краснею я не за себя, а за зам. начальника объединения «Краснодаргорстрой» И. Дубовку, который еще в прошлом году обещал ваш будущий лечебный корпус перетянуть алой ленточкой.

И инвалиды обращаются по адресу. А по адресу их обращение поджидает очень вместительная папочка с тесемочками.

— Терпение, товарищи инвалиды, — успокаивают их обладатели папок. — Дойдет дело и до ленточки. Дайте срок...

Терпеливые инвалиды лет эдак пятьдесят назад, возможно, безрассудно раздарили бы по молодости уйму своего времени кому угодно. Только вот именно сейчас-то это самое время для них становится все дороже и дороже.

В древнем Новгороде, на родине В. А. Кочетова, открылся памятник известному советскому писателю. Бюст установлен в новом микрорайоне города, недалеко от улицы, носящей имя автора «Журбиных».

Выступившие на митинге литераторы и представители общественности говорили о жизни, творческом пути и книгах писателя-коммуниста.

На снимке: во время открытия памятника.

Фото В. Овчинникова (ТАСС)

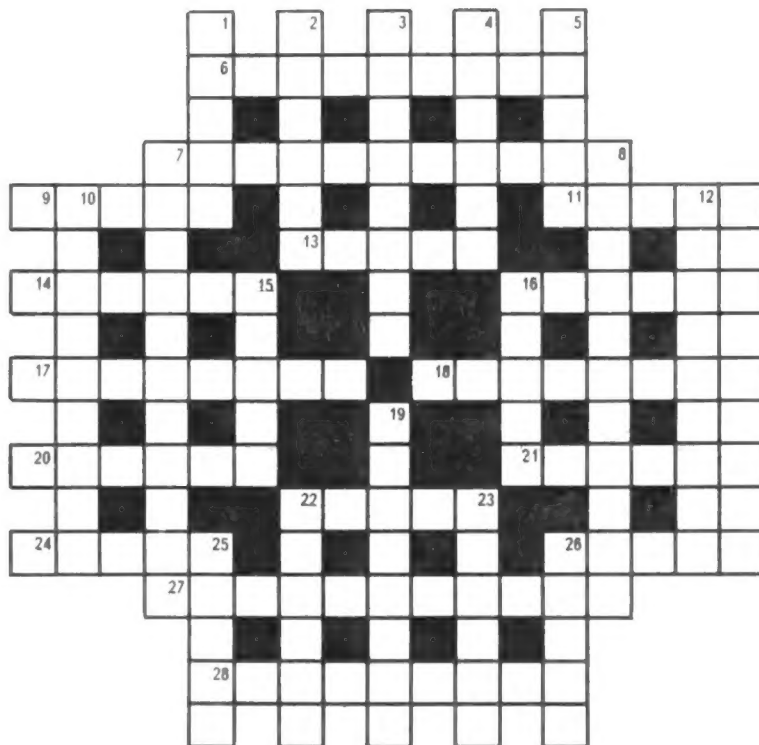
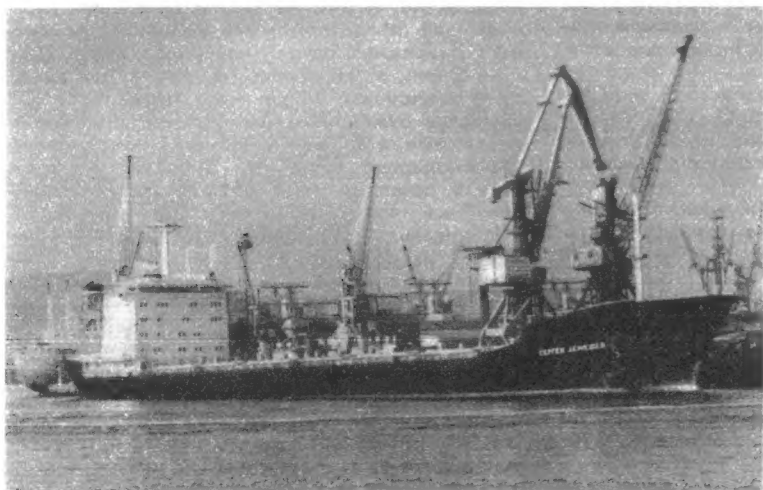
ПЕВЕЦ НЕЗАБЫВАЕМЫЙ

В конце прошлого года флот Новороссийского морского пароходства пополнился новым судном. Это балкер «Сергей Лемешев», построенный на болгарской судостроительной верфи.

В гости к морякам приехала жена выдающегося артиста Вера Николаевна Кудрявцева-Лемешева. Она сама многие годы пела на оперной сцене, участвовала в спектаклях вместе с Лемешевым. Недавно вышла пластинка с дуэтами Веры Кудрявцевой и Сергея Лемешева. Вера Николаевна — доцент Московской консерватории, преподает вокал.

— Я очень волновалась в ожидании встречи с теплоходом «Сергей Лемешев», — говорит Вера Николаевна. — Все мне здесь интересно, дорого...

Она рассказала морякам о жизни и творчестве Сергея Яковлевича, передала экипажу, возглавляемому капитаном Н. Г. Петрушиновым, портрет певца, его книгу «Путь к искусству». Судовому музею переданы также несколько грампластинок с записями песен и оперных партий, концертные афиши, фотографии, личные вещи Сергея Яковлевича Лемешева.

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Певца, народная артистка СССР. 7. Город в Татарской АССР. 9. Нестабильная элементарная частица. 11. Опера Д. Пуччини. 13. Марка чехословацких автомобилей. 14. Массовое собрание, посвященное политическим вопросам. 16. Древнегреческий музыкальный инструмент. 17. Химическое превращение вещества под действием ионизирующих излучений. 18. Шахтерский город в Красноярском крае. 20. Спортивные состязания из серии гонок на судах. 21. Государство в Северной Америке. 22. Деталь ударного механизма огнестрельного оружия. 24. Часть водоема, вдающаяся в сушу. 26. Рассказ из «Записок охотника» И. С. Тургенева. 27. Лингвистика. 28. Врач, работающий в клинике под руководством ассистента кафедры.

По вертикали: 1. Великий польский композитор и пианист. 2. Предоставление денег или товаров в долг. 3. Деталь для крепления проводов. 4. Металлический денежный знак. 5. Опера Ш. Гуно. 7. Видоизменение. 8. Артист эстрады, ведущий концерт. 10. Действующее лицо пьес М. Горького «Егор Булычов и другие» и «Достигаев и другие». 12. Итальянский живописец XVII века. 13. Народный поэт Абхазии. 16. Стихотворение А. С. Пушкина. 19. Приток Днепра. 22. Попугай. 23. Музыкальный интервал. 25. Военное подразделение в составе роты. 26. Приток Макензи.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали: 3. Свирель. 6. Арел. 8. «Гальяна». 9. Неруда. 13. Ранетонсец. 15. Финал. 16. Цейф. 17. «Ледоход». 18. Мугам. 20. Пирит. 21. Тухачевский. 22. Климов. 24. Швандя. 25. Ромео. 26. Грабарь.

По вертикали: 1. Цитра. 2. Чебан. 4. Филал. 5. Огурец. 6. Ансератор. 7. Лесоводство. 10. Трибуна. 11. «Соловей». 12. Снегирь. 13. Рабат. 14. Цезий. 19. Мухина. 20. «Пионер». 23. Волан. 24. Шемал.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Франсиско Гойя. 1746—1828. АСЕНСИО ХУЛИО.

Из собрания Тиссен-Борнемиса, Швейцария.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Виллем Кальф. 1619—1693. НАТЮРМОРТ С БОКАЛОМ «НАУТИЛУС».

Из собрания Тиссен-Борнемиса, Швейцария.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. Д. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономки быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 11.06.84. Подписано и печат. 27.06.84. А 10276.
Формат 70×108/16. Глубокая печать. Усл. л. 7.0. Уч.-изд. л. 10.87.
Усл. кр.-отт. 16.80. Тираж 1 717 000 экз. Изд. № 1717. Заказ № 2856.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Слетелась для переговоров
«Семерка» — семеро
партнеров.

Но больше всех один хлопчет:
Семь шкур содрать
с партнеров хочет.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

По секрету подписал ретиво
Против терроризма директиву.
Не секрет, что сами
«моралисты» —
Истые лжецы и террористы.

Не устают горланить и яриться
Немало реваншистских
злых лиц.
Желанье их — ревизовать
границы,
Но это явно наглость
без границ!

ISSN 0131-0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

